

Айлин Лин
Мия Лаврова

A woman with long dark hair, wearing a traditional Russian crown (korunka) with red gemstones, a fur cape, and a green patterned dress, stands in a snowy landscape. In the background, there is a wooden church with a snow-covered roof and a sunset sky with falling snow.

ЯРОМЛА ЛЕДЯНАЯ КНЯЖНА

Айлин Лин

Яромила. Ледяная княжна

«Автор»

2025

Лин А.

Яромила. Ледяная княжна / А. Лин — «Автор», 2025

Я, доктор геологических наук Виктория Северцева, провалилась под лёд в Арктике и очнулась в теле юной княжны Яромилы из XIII века. Мой отец-князь погиб, город захвачен тевтонцами, и теперь я бегу в Новгород с верным дружинником Ратмиром. Родня хочет выдать меня замуж и забыть о павшем Словенске, но я не намерена смириться с судьбой и идти у них на поводу. Впереди - встреча с Александром Невским и выбор между безопасностью и борьбой за родные земли. И всё бы ничего, и не с такими проблемами сталкивалась... Но вот что делать с проснувшейся в моей крови магией даже не представляю... Дорогие читатели! Просим вас не относиться к данной книге как к исторически достоверной. Этот роман всё же больше фэнтези. И пусть некоторые события и реалии XIII века послужили вдохновением для создания истории, все персонажи, места действия и сюжетные линии являются плодом авторской фантазии. Приятного чтения!)

© Лин А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мия Лаврова, Айлин Лин Яромила. Ледяная княжна

Глава 1

Лёд подо мной треснул с тихим, неприятным звуком.

Я успела подумать: как глупо, как нелепо умереть вот так, на краю света, в двухстах километрах от ближайшего поселения. Успела вспомнить лицо мамы, её последнее сообщение: «Витка, береги себя, не лезь в эти трещины». Успела пожалеть о том, что так и не решилась на детей, теперь от Виктории Северцевой, кандидата геологических наук, специалиста по арктическим льдам, не останется ничего, кроме научных статей в малотиражных журналах.

Шельфовый лёд Земли Франца-Иосифа поглотил меня, как прожорливая пасть. Тьма сомкнулась над головой с мокрым чавкающим звуком. Ледяная вода мощно ударила в грудь, выбила воздух из лёгких. Я попыталась грести вверх, к спасительному пятну света, но тяжёлые полярные ботинки тянули вниз, как гири.

Не паникуй, Витка. Думай.

Термос с горячим чаем... Он же полый внутри, даст плавучесть. Я вырвала его из кармана куртки, прижала к груди. Не помогает. Полынья затягивается сверху молодым льдом, прозрачной плёнкой, а через час она станет непробиваемой корочкой.

Сколько у меня времени? При температуре воды минус два по Цельсию – максимум пятнадцать минут до потери сознания.

Я боролась. Клянусь, я боролась изо всех сил! Но лёд не прощает ошибок. Он забирает всё: тепло, силы, надежду. Когда ноги перестали слушаться, а пальцы окончательно онемели, я поняла... всё кончено.

Странно, но умирать оказалось не больно. Холод сначала жёг, потом стал почти приятным, как тёплое одеяло, которое медленно накрывает с головой. Сознание плыло, мысли путались. Мне почудилось, что подо льдом горит какой-то свет – голубой, пульсирующий, живой. Он приближался, становился ярче, и я подумала: может, это галлюцинация перед смертью? Говорят, мозг в последние секунды создаёт удивительные видения...

А вскоре этот свет коснулся меня.

И тогда я услышала голоса.

«Снежная ведунья... время пришло... лёд треснул...»

Голоса шептали на языке, которого я не знала, но почему-то понимала. Кристаллы льда вокруг меня вдруг заискрились, засветились изнутри, каждый превратился в крошечное солнце. А потом...

Потом наступила тишина.

Я очнулась от криков и лязга металла.

Грохот битвы безжалостно ворвался в сознание. Звон мечей, вопли раненых, треск ломающихся дверей. Что-то тяжёлое рухнуло где-то рядом, задрожали половицы под ногами.

Моргнула, пытаюсь сфокусировать зрение. Надо мной виднелись резные балки потолка, расписанные красными и золотыми узорами. Я лежала на широкой постели под собольим покрывалом. На мне была длинная льняная рубаша с шёлковой вышивкой, поверх неё бархатный сарафан с серебряными пуговицами. На пальцах золотые перстни с самоцветами.

Что за?...

Воспоминания хлынули потоком – чужие, но удивительно яркие. Этот терем. Эта комната. Отец... Удельный князь Владимир Мстиславич, высокий мужчина с седой бородой и добрыми глазами. Мать княгиня Февронья, умершая три года назад от лихорадки. Долгие зимние

вечера у печи, когда отец рассказывал о делах княжества. Первые уроки грамоты у дьяка Евсея. Вышивание с мамкой Улитой...

Яромила. Княжна Яромила Владимировна.

Это не мои воспоминания. Это память того тела, в котором я оказалась. Четырнадцатилетняя дочь псковского князя, единственная наследница рода, гордость отца и надежда княжества.

А теперь во мне – в её теле – живёт сознание доктора геологических наук из XXI века.

За окном что-то с грохотом обрушилось. Я вскочила с постели и бросилась к окну. Внизу, во дворе терема, кипела схватка. Люди в кольчугах и белых плащах с чёрными крестами рубились с псковскими дружинниками. Тевтонские рыцари. Кровь на снегу. Дым от горящих построек.

Словенск пал.

Знание пришло из глубины памяти Яромилы. Не из книг. Ливонцы осаждали город уже полгода. Отец надеялся на помощь из Новгорода, но помощь не пришла. А сегодня утром они пробили стену у главных ворот...

– Княжна! – В дверь ворвался дружинник в окровавленной кольчуге. Молодой, не старше двадцати, с русыми кудрями и яростными глазами. – Княжна Яромила, надо бежать! Рыцари во дворе, стены не удержать!

Я знала его. Ратмир Михайлович, сын боярина Михаила Храброго. Верный воин, готовый умереть за княжеский род. В памяти Яромилы он был почти старшим братом, учил её ездить верхом, стрелять из лука, защищал от обидчиков.

– А отец? – спросила я, и голос прозвучал тонко, по-детски. – Где князь Владимир? – против воли лились странные вопросы. Я знала всех их, и в то же время они были для меня незнакомцами.

Лицо Ратмира помрачнело:

– Князь... князь сражается у Троицких ворот. Он велел увезти тебя в безопасное место, княжна. Кони готовы, надо спешить!

Я кинулась к сундуку, начала хватать драгоценности, чисто инстинктивно, по памяти Яромилы. Золотые гривны, серебряные браслеты, связка ключей от княжеской казны. Руки дрожали, но не от страха, а от непривычности к чужому телу.

"Что со мной происходит? Как я здесь оказалась?", – бились мысли, а тело действовало само.

– Княжна, быстрее! – торопил Ратмир. – Ливонцы уже в сенях!

Я накинула меховую шубу, сунула ноги в сапожки на мягкой подошве. За дверью послышались тяжёлые шаги, грубые голоса на незнакомом языке. Но я понимала каждое слово. Боже, как же всё это странно и дико!

– Prinzessin muss hier sein... Durchsucht alle Räume...

«Принцесса должна быть здесь... Обыщите все комнаты...»

Немецкая речь. Они ищут Яромилу, то есть меня. Я их ценная добыча.

– Окно, – прошептала я. – Ратмир, через окно!

Он кивнул, распахнул ставни. Холодный декабрьский ветер ударил в лицо. До земли сажени три, но под окном лежал большой сугроб.

– Прыгай, княжна. Я за тобой.

Я перелезла через подоконник, повисла на руках и разжала пальцы. Снег принял мягко, но холод тут же пробрался под шубу. Через секунду рядом с глухим стуком приземлился спутник.

– За мной! – он схватил меня за руку и потащил к конюшням.

Мы бежали между горящих построек. Везде валялись тела: и в кольчугах, и в тёплых кафтанах. Ратники сражались до конца, но силы были слишком неравны. У конюшен Ратмир

быстро оседлал двух коней, своего боевого и мою любимую Зорьку, гнедую кобылку с белой звёздочкой на лбу.

– Куда? – спросила я, взбираясь в седло. Яромила умела ездить верхом. А как же иначе?

– В Новгород. Там князь Александр, он...

Ратмир не договорил. Из-за угла терема выбежали трое рыцарей. Увидев нас, они закричали что-то на своём языке и бросились в погоню.

Мы рванули с места, петляя между постройками, перепрыгивая через поваленные брёвна и тела. Позади росли крики, лязг доспехов. Кто-то выстрелил из арбалета. Болт опасно просвистел мимо уха.

И тут, на выезде из города, у самых ворот, я увидела его.

Князь Владимир лежал в снегу, прислонившись спиной к стене. Кольчуга была разорвана, из раны на груди сочилась кровь. Рядом валялись трое убитых рыцарей. Он продал жизнь дорого. Седые глаза смотрели в небо, полузакрытые, но ещё живые.

– Отец! – крик вырвался из моего горла помимо воли.

Странно, но в этот момент я действительно почувствовала боль. Не рассудочную, а настоящую, живую, будто умирал мой настоящий отец. Память Яромилы слилась с моими эмоциями, и на секунду я забыла, кто я такая.

Князь с трудом повернул голову, увидел нас. Губы дрогнули в слабой улыбке:

– Доченька... успели... хорошо...

Ратмир спрыгнул с коня, упал на колени рядом:

– Князь! Мы увезём тебя, найдём лекаря...

– Поздно... Береги её, Ратмир. Она... она теперь последняя... последняя из рода...

Глаза его затуманились, грудь последний раз поднялась и опала. Князь Владимир Мстиславич, правитель Словенска, умер в снегу у ворот родного города.

А я сидела в седле и понимала: Ратмир ждёт, что я буду рыдать. Что брошусь на тело, буду клясться в мести, звать небеса в свидетели. Ведь это мой отец. Человек, который растил меня, любил.

Но я не чувствовала ничего, кроме холодного удивления. Этот человек был мне чужой. Я видела его впервые в жизни – ну, в этой жизни. И теперь должна изображать скорбь по незнакомцу.

Вперёд, Витка. Академия драматического искусства, экстренный курс.

– Отец... – прошептала я дрожащим голосом. – Отец мой... зачем ты покинул меня?!

Слёзы пошли сами, но не от горя, а от напряжения и холода. Страха. Но Ратмир принял их за истинную скорбь.

– Княжна, – он скорбно поджал губы. – Мне жаль... мне так жаль... Но мы должны ехать. Ливонцы догонят.

Я кивнула, утирая лицо рукавом шубы:

– Да... да, ты прав. Но я поклянусь... – Голос сорвался в нужном месте. – Поклянусь отомстить за отца! Словенск будет освобождён, а эти тевтонские псы заплатят за каждую каплю крови!

Глаза Ратмира вспыхнули. Он выпрямился, приложил руку к сердцу:

– Клянусь служить тебе, княжна Яромила! Клянусь помочь отомстить за князя Владимира! Пока не вернём вотчину, меч мой не узнает покоя!

Отлично. Первый фанатичной сторонник мести уже есть. Только мне оно надо?

Позади раздались голоса – враги приближались. Мы пустили коней галопом через городские ворота, в сторону замёрзшего Чудского озера. Снег летел из-под копыт, ветер хлестал по лицу. Словенск остался позади. Горящий, захваченный, потерянный.

Но в глубине души я уже строила планы. Не планы мести – я была учёным, а не мстительницей. Планы выживания. И, возможно, возвышения.

Значит, я княжна. Значит, у меня есть статус, связи, какие-то ресурсы. И есть верный рыцарь, готовый умереть за мою «мечь». Неплохая стартовая позиция.

Память Яромилы подсказывала: в Новгороде есть дальние родственники, есть купцы, которые торговали с отцом. Есть князь Александр, который может дать приют словенской наследнице.

А у меня есть знания XXI века. Химия, физика, экономика, тактика...

Если не могу вернуться домой, построю новый дом здесь. И пусть весь мир узнает, что такое средневековая научно-техническая революция.

Впереди расстилалась белая гладь Чудского озера. Лёд был крепкий, способный выдержать вес лошадей. К весне здесь произойдёт битва, которая изменит историю. Но теперь в ней будет участвовать не только княжеская мечь.

В ней будет участвовать наука.

«Время пришло, снежная ведунья,» – эхом отозвались во льду древние голоса. «Лёд треснул. Теперь твой черёд менять мир...»

Я крепче сжала поводья и помчалась навстречу своей новой судьбе.

Дорогие читатели!

Просим вас не относиться к данной книге как к исторически достоверной. Этот роман всё же больше фэнтези. И пусть некоторые события и реалии XIII века послужили вдохновением для создания истории, все персонажи, места действия и сюжетные линии являются плодом авторской фантазии.

Данная книга представляет собой художественную интерпретацию эпохи с добавлением фантастических элементов. Любые совпадения с реальными историческими личностями или событиями использованы исключительно как творческая основа и не отражают подлинных исторических фактов.

Приятного чтения!)

Глава 2

Тевтонцы остались позади, и мы придержали лошадей – нельзя загонять их, впереди долгая дорога. Тело княжны хоть и умело держаться в седле, но, видно, не настолько, чтобы не чувствовать боль ниже поясицы, кажется, там всё, что можно, отбилось из-за тряской рыси.

Ратмир ехал молча, погружённый в думы, я же «копалась» в воспоминаниях Яромилы. Кто поможет мне в Новгороде? Не к самому же Александру ехать. Даже подумать было страшновато, что я увижу великого полководца Невского! Спросить у Ратмира? Подозрительно. Не могла же княжна разом забыть всю родню. И я поступила, как настоящая женщина. Тихонько заплакала, так, чтобы Ратмиру всё же было слышно, и запричитала.

– Куда же мне теперь сиротинушке-е-е. Ой, судьбинушка горькая. Одна-одинёшенька на всём белом свете осталась-а-а-а.

Ратмир придержал коня, прислушиваясь к моим подвываниям.

– Княжна, не печалься так. В Новгороде дядька Евсей, не оставит тебя одну. Будет и кров тебе и подмога. И я тебя не оставлю.

Так, с одним родственником определились. Сказывалась ли это усталость и потрясение, но воспоминания Яромилы точно заблокировало. Тело тоже слушалось плохо, то и дело мышцы будто сковывало спазмом.

А ещё меня не покидала навязчивая мысль: вдруг всё это – лишь предсмертный бред? И на самом деле моё тело сковано льдом, и сознание в последние мгновения моей жизни выдаёт вот такие невозможно подробные иллюзии? Но галлюцинации не могут быть настолько... живыми, правда? Как бы там ни было, пусть всё идёт своим чередом. Если это всё явь, приспособлюсь и выживу, если нет..., об этом думать отчего-то не хотелось.

Лошади ступали по снегу, неся нас вперёд, к моему неизвестному будущему. Одна надежда, что воспоминания княжны «разблокируются». Нельзя выдать себя ни единым звуком, ни единым взглядом. Народ тут суровый, неизвестно, что подумают обо мне, решат ещё в монастырь сослать, а жить в неволе совсем не хочется.

Ратмир зорким взглядом отыскал среди сугробов едва заметную тропинку, Чудское озеро осталось позади, теперь мы ехали промеж высоких сосен и елей, одетых бархатными снегами. Закатное солнце превратило зимнее лесное убранство в тысячи самоцветов, так и казалось, что едешь в огромной сокровищнице, полной несметных богатств. В снегу виднелись следы зверей, по веткам скакали любопытные белки.

Я вдыхала морозный воздух, наслаждаясь им точно изысканным лакомством. Нет запаха гари от шин, смога – вечного спутника городов, амбре прогорклого масла от многочисленных точек фастфуда. Только терпкий смоляной дух и ледяная свежесть. Кажется, даже лёгкие будто открылись, стараясь вобрать в себя больше окружающих ароматов.

Голова слегка закружилась. Битва с тевтонцами, юное тело княжны, которое до сих пор плохо слушалось, точно надетая не по размеру одежда. Впечатления этого дня слились передо мной в какую-то фантастичную картину, как во сне.

В лесу становилось темно, ранние сумерки ложились густыми тенями под деревья, скрывая последние лучи солнца. Как Ратмир разбирал, куда ехать, для меня было загадкой. Тело затекло от долгой езды, холод крепчал, пробираясь под шубу. Желудок сводило, интересно, когда в последний раз ела Яромила?

– Потерпи, княжна, – словно прочитал мои мысли Ратмир, – скоро к деревеньке подъедем. Там и на ночлег останемся.

Он всё время ехал впереди, напряжённый, как зверь перед прыжком.

Скоро чаша раздалась и впереди раскинулось широкое поле, за которым виднелись избы, из труб курился дымок. Слышен был лай собак и мычание коров. Близость человеческого жилья придала сил, мы поторапливали лошадей, стремясь к теплу и свету.

Где-то позади, в лесу, протяжно завывали волки и по коже побежали мурашки, не хотелось столкнуться с голодной стаей. Моя Зорька всхрапнула, и сама перешла на тряскую рысь, побыстрее к деревне, под защиту людей.

Во дворах было пусто, псы попрятались в будки, подавая голоса из своих убежищ. Ратмир подъехал к добротному дому с высоким крыльцом.

– У старосты заночуем.

Он спешил, заколотив в деревянные ворота. Послышался шум и чей-то голос недовольно спросил:

– Кого тут носит по ночи?

– Княжна Словенская, открывай, да поживее!

Встречавший поперхнулся, и через минуту ворота распахнулись, перед нами стоял старичок в заношенном зипуне:

– Кормилица, не прогневайся, не ждали в такую-то пору. Али случилось что?

– Пал Словенск, – ответил за меня Ратмир, – князь Владимир Мстиславич погиб, насилу сами живу выбрались.

– Ох, горе-то какое, – запричитал старичок, проводя нас по двору к избе, – скоро и до нас проклятые ливонцы доберутся. Как же мы теперь без заступника, без батюшки князя? Чем бога прогневили?

В сенях было темно и сыро, витал запах квашеной капусты.

– Кто там, Антип? – послышался басовитый голос хозяина.

Старичок отворил дверь в комнату, приглашая нас пройти:

– Сама княжна пожаловала, Яромила Владимировна.

Жилище освещалось лучиной и огнём горящей печи. Под окнами стояли сундуки и лавки, в углу – большой стол, за которым и сидел староста, подскочивший, как только понял, кто забрёл к нему в гости. Его жена, дородная женщина с богатой русой косой, подроспела к мужу. Хозяева поклонились, помогли мне раздеться, пока Ратмир сообщал им печальные вести.

– Горлица ты наша, душенька, напугалась, намаялась, – причитала женщина, – сейчас я сбить горячий подам, да каши. Уж не серчай, чем богаты.

Потрясённый хозяин расспрашивал Ратмира о битве, постепенно бледнея. Все знали: раз пал Словенск, деревням придётся худо.

Нас усадили за стол, с полатей вынырнули любопытные дети, разбуженные голосами, староста шикнул на них и мордашки тотчас скрылись за занавеской.

Хозяйка накрыла на стол: нарезала большими ломтями хлеб, достала томившуюся в горшке кашу, сдобрила её маслом, подала чаши со сбитнем, пахучим и вкусным.

Пока мы с Ратмиром дружно работали ложками, хозяева тихо переговаривались между собой, не отвлекая нас от трапезы. Пища была простой, но невероятно вкусной. Душистый ноздреватый хлеб, в котором точно растворилось летнее солнце и аромат спелых колосьев, рассыпчатая каша, что таяла во рту, оставляя послевкусие сливочного масла. Желудок уже был полон, но я всё не могла оторваться от своей чашки. Если так вкусно кормят в деревнях, то что же на пирах тогда? Вот бы побывать там.

– Агафьюшка, проводи княжну почивать, умаялась с дороги, – такое сердечное участие, внимательность затронуло мою душу, растрогало чуть ли не до слёз.

Поблагодарила хозяев за ужин и ночлег, странно, но язык точно сам подбирал нужные слова, отличные от того лексикона, к которому я привыкла. И звучала речь странно, велеречиво, как на мой слух, непривычно.

Хозяйка проводила меня на полати, отделённые от комнаты занавеской, помогла раздеться до рубашки и взобраться наверх. Мне пришлось лечь рядом с тремя детьми. Изба была большой, но однокомнатной, не считая сеней. Так что все спали вместе. Ратмиру постелили на лавке у дверей, напротив расположился хозяин, а его жена легла возле стола. Детишки завошкались, стараясь рассмотреть меня исподтишка, в полумраке блестели их любопытные глазки. Я улыбнулась и приложила палец к губам. Вмиг их головёшки скрылись под одеялом, а через минуту и меня одолел сон.

Ночью воспоминания Яромилы хлынули с новой силой, точно ждали, когда моё сознание уступит им место. Я видела родню, поездки в Новгород, великого князя Ярослава, как батюшка возвращался из военных походов, а мы с матушкой встречали его возле огромной башни. Прогулки с санными девушками по лесу, где росло видимо-невидимо грибов и ягод. Вечерние посиделки за рукоделием. И чьи-то еле слышные голоса шептали: «Пробуди свою силу княжна, время пришло».

Едва в открытые ставни прокрались рассветные лучи, как проснулись дети и разбудили меня, шумно завозившись на полатах. За ночь изба остыла, но хозяйка уже растопила печь.

Кое-как справилась со своим сарафаном. Непривычно, неудобно, а что делать, джинсы тут пока не в моде. Отодвинула занавеску, пожелав Агафье доброго утра.

– Проснулась уже, княжна, – улыбнулась женщина, – погоди, водички принесу умыться. Лушка! – окликнула она девочку лет семи. – Помоги нашей гостье причесаться. Ты не смотри, княжна, что мала она, рукастая у меня дочка.

Луша, проворная худая длинноногая девчонка, похожая на маленького журавля, бойко подскочила ко мне с гребнем. Усадила на лавку, осторожно расплела косы и принялась аккуратно расчёсывать густые, длинные волосы Яромилы.

С подворья, принеся с собой морозный дух, вернулись Ратмир и староста, которого, как я слышала, звали Касьяном.

– Доброго утречка, – заулыбался хозяин, – ранёхонько поднялась, Яромила Владимировна.

– Ехать надо, – ответила ему, – дорога нам в Новгород лежит.

– Верно, – кивнул Касьян, – пути снегом замело, тяжело ехать, к вечеру только и доберётесь. Сейчас поешьте на дорожку, а там Агафья моя вам с собой харчей соберёт.

Женщина подала нам по кружке парного, ещё тёплого молока:

– Испейте пока, а я блинчиков сделаю.

Скоро перед нами появилась большая плоская неказистая, грубой работы тарелка, куда хозяйка метала горячие блины. Луша поставила мисочки со сметаной, клюквой и мёдом. Дети сидели на лавке возле печи, не решаясь подойти к столу, глядя на отца, когда тот позовёт.

По избе плыл аромат выпечки, приятно щекоча ноздри. Как Яромиле удаётся быть такой худой? Поди княжну кормят куда лучше, а на подобной диете кто угодно разъест бока.

Я присела рядом с Ратмиром, перекинув через плечо длинную косу, которую мне ловко заплела Луша.

– Не горюй, – тихо шепнул мой спутник, – до Новгорода доберёмся, там и посветлеет на душе. Мамки, няньки позаботятся.

Что скрывает мой дальнейший путь? Как встретит меня дядька? Он всегда был добр, но больше с батюшкой общался, отправляя меня к тётке и сёстрам. А теперь придётся принимать решения самой, без оглядки на защиту отца.

Глава 3

И снова перед нами скатертью легла заснеженная дорога, деревенские, прознав, что у них ночевала княжна, высыпали на улицу.

– Заступница! Яромила Владимировна, ты уж князю Александру скажи, один он наш надёжа. Пусть не бросит нас тевтонцам на поругание! – со всех сторон неслись мольбы и просьбы. Женщины плакали, прижимая к себе детей.

Ведь это теперь и мои люди, подумалось мне. Умер отец, князь Владимир, единственная их защита. Что случилось с дружиной после разгрома Словенска? Разве мелкие деревушки преграда для ливонцев? Сметут и не заметят. Выходит, мне придётся просить у Александра воинов для защиты этих земель. Или набирать себе новую дружину из вольных ратников. Как это здесь делается? Эх, не стратег я и не полководец, а народ жалко. Невольно и не по своей прихоти, но одна осталась из тех, кто должен оберегать эти земли.

Ратмир ехал впереди, такой же настороженный, как и вчера. Вероятно, боится вражеских разъездов? Времена правления Невского я, конечно, проходила в школе, но как быть теперь, когда оказалась в гуще событий и не просто как обыватель, а на последнем рубеже защиты. Легко схорониться у родни в Новгороде, и не осудят, девчонка малолетняя. Но я видела глаза людей, провожавших меня, в которых теплились последние лучики надежды. Выжгут, разорят эти деревни и ляжет мне на сердце вина тяжким грузом. Не могу я так. Поеду к Александру, буду молить о защите.

Я считала падение Словенска главной своей проблемой, но лукавая судьба решила подкинуть мне очередной сюрприз. Ближе к обеду, когда мы ехали мимо занесённых снегом полей, на кончиках пальцев я ощутила странное покалывание. Резкое, неприятное, будто тонкими иглами кожу протыкают. Сняла рукавицы, осмотрела руки. Ничего необычного. Ладонки покраснели, только и всего. Зачерпнула с ветки пригоршню снега, растёрла между ладонями и снова натянула толстые варежки. Покалывание не прошло, напротив, стало ещё сильнее и болезненнее, а потом по рукавицам побежали снежные узоры, как на стёклах в мороз. Опешив, подняла ладони вверх, закусила губу, не понимая, что со мной творится. Зорька, почувствовав свободу, рванула вперёд, так что я чуть не свалилась в сугроб.

– Княжна! – Ратмиру удалось перехватить норовистую кобылку. – Цела? Что случилось? Его взгляд упал на мои руки, по одежде всё выше поднималась изморозь.

– Силу свою придержи, – Ратмир подъехал вплотную, – как маменька учила.

– Я... Я... не могу, – что происходит? Какая ещё сила?! Тело залихорадило и непонятно, то ли от страха, то ли от этой самой неведомой мне силы. Что это? Магия? Колдовство? Мутация генов? – Ратмир, давай остановимся, – подняла взгляд на воина.

Он придержал Зорьку, помог мне спуститься.

– Ты чего, княжна? Не впервой, чай, чародейство своё унимать.

Только этого не хватало, от нового известия чуть не грохнулась в снег. Чародейство. Волшебство. Помогите! Я не получала письма из Хогвартса и колдовать не умею. Мысли лавиной неслись в голове, сумбурным потоком. И ничего дельного. Как быть? Стану расспрашивать Ратмира, заподозрит, что я не та, за кого себя выдаю. Вдруг обвинит меня в чёрной магии какой, и сожгут юную княжну на костре.

Ратмир снял мои рукавицы, с пальцев посыпалось ледяное крошево:

– Снегам, земле силу отдавай. Страх и потеря отца поди сказывается.

Я послушно присела, приложив ладони к снегу, зарывшись в него руками. А дальше то что? Покалывание не проходило, а снежный покров вокруг моих ладоней начал одеваться коркой льда. Пришлось прибегнуть к проверенному методу. Давлению на жалость.

– Ратмир, не могу я ничего вспомнить, после смерти отца, будто пелена в голове.

– Бывает, – юноша присел рядом, – столько перетерпеть. Ты силу свою сердцем почувствуй, душой и отдай её земле, та всё примет, поможет.

Прикрыв глаза, пробовала сделать, как говорил Ратмир, только вот ничего не ощущала.

– Ты откуда всё ведаешь? – спросила у своего попутчика.

– Все это знают, – усмехнулся тот, – почитай, в каждой семье княжеской али купеческой чародеи есть. Ох, сильно видать тебя горе пришибло, Яромила.

– Ещё расскажи. Я тебя когда слушаю, мне спокойнее.

– Что говорить-то? – удивился Ратмир.

– Всё, что знаешь. Мне так легче становится.

– Давай-ка мы вон под той сосёнкой устроимся, – предложил юноша, – заодно и перекусим. Успеем засветло до Новгорода добраться.

Мы свернули с дороги к небольшой рощице, Ратмир привязал лошадей, достал из сумы снедь, которую собрала нам в дорогу Агафья, наломал еловых лап, устроив нам под ветвями высокой сосны пристанище.

– В семьях княжеских испокон веков дети рождались с силою чудесною. Кто ветрами управлял, кто водой и огнём, есть и такие, как ты, кому стужа подвластна. Это ведь помнишь, княжна?

– Да, – закивала головой, жуя кусок хлеба, – ты просто рассказывай, сила от твоего голоса унимается, спокойнее мне так.

– Будь по-твоему, – пожал плечами Ратмир, – маменька твоя, княгиня Февронья, водой управлять умела. А у батюшки дара не было. Сама знаешь. Когда ты родилась, поняли, что ледяной чародейкой станешь. И сила пробуждаться аккурат, года два назад начала, у деток-то она всё больше спящая. Маменька твоя успела до смерти свои знания передать, обучить тебя всему.

Я задумалась, почему эта часть воспоминаний была мне недоступна? Жизнь Яромилы по крупичкам открывалась мне. Слишком долго. Надо как-то подстегнуть этот процесс, иначе могу быстро в неприятности угодить. Я сидела, облокотившись на шершавый ствол дерева, пытаюсь устроиться поудобнее, положила ладонь на грубую кору и вверх побежала ледяная дорожка.

– Руку убери! Дерево погубишь! – раздался голос Ратмира.

Одёрнула ладони и положила их на землю:

– Отдохнуть мне надо, хоть немного.

Закрыла глаза. Где то самое место, в котором сила Яромилы находится? Откинув панические мысли, старалась дышать глубже, прислушиваясь к своему новому телу. В груди, на уровне солнечного сплетения точно пульсировало маленькое солнышко, только не горячее, а с приятной прохладой. Я перестала копаться в своих ощущениях, откинулась назад, расслабляя тело. Воспоминания калейдоскопом побежали перед глазами. Вот маменька на берегу озера, а Яромила маленькая сидит в лодочке. Волна, послушная воле княгини, толкает судёнышко вперёд и хохочет княжна, хлопает в ладоши от радости. Тот же самый пруд, только Яромила в одной рубахе стоит у берега. Волны мягкими послушными лапами поднимают её над гладью озера, несут вперёд по над водой. А рядышком, смеясь вместе с дочкой, стоит Февронья. Потом видится двор у терема, с княжной на резной скамейке сидит дьяк. В руках у Яромилы веточка, одетая ледяной глазурью.

– Сила она чародею завсегда послушна, – раздаётся в голове голос наставника, – токмо надо наперёд думать, для чего её использовать желаешь. Как лошадью управляешь. Стоит поводья ослабить, понесёт тебя скакун или вовсе скинет, а коли крепко держать в узде станешь, и конь послушен будет.

– Княжна! Яромила! Яра! – Ратмир тряс меня за плечо.

Я открыла глаза, вырываясь из тенёт чужих воспоминаний.

– Забылась на минутку, – ответила перепуганному юноше, – маменьку вспомнила.

– Ехать пора, – мягко сказал Ратмир, – путь ещё неблизкий.

Он быстро собрал остатки снеди в котомку, сдвинул еловые лапы под дерево. Покалывание в пальцах унялось, и только сейчас я заметила, что снег вокруг того места, где мы сидели, превратился в толстую корку льда. У меня получилось!

Только теперь мне придётся решать не один вопрос со спасением ближайших деревень, но и со своей неведомой силой учиться справляться. Скучные воспоминания Яромилы не сильно помогли. Кто обладает магией, как много подобных людей? Какое место занимают они в обществе? Может, их в монастырь отправляют или к великому князю на службу? Очень много вопросов и никаких ответов. Что даст мне этот дар? Новые возможности или новые проблемы? Час от часу не легче. Уж лучше бы мне попасть в тело купеческой дочери. С той и спросу бы меньше было. Сиди у окошка, да поджидай женихов.

– Полегче тебе, княжна? – обернулся ко мне Ратмир, когда мы взобрались на лошадей.

– Да, всё прошло, спасибо тебе.

Дорога снова потянулась мимо лесов, как должно быть здесь красиво весной и летом. Даже сейчас, укрытые белыми шубками деревья, стояли вдоль дорог, точно невесты в свадебных нарядах. Краснели кое-где гроздья рябины, как бусы на груди девушки. Высокие сугробы мягким пуховым одеялом лежали на земле, укрывая стволы до самых ветвей. Дятел с красной головкой сидел на ближайшей сосне, деловито постукивая по стволу. На еловых лапах прыгали вёрткие синички, высматривая, чем можно поживиться. Красовались своими алыми грудками снегири. Даже в морозы в лесах кипела жизнь. Вот любопытная белка высунула мордашку из дупла, поглядывая на нас.

– Опять пригорюнилась, княжна? – Ратмир придержал коня, с тревогой глядя на меня.

– Нет. Просто задумалась. Как-то оно в Новгороде будет?

– Не кручинься. Там дядька с тётушкой, приютят, обогреют, в обиду никому не дадут. Будешь с ними, как у Христа за пазухой. Потом жениха тебе подыщут знатного. Глядишь, определит его великий князь на княжение в Словенске. Вернёшься в свою вотчину.

– То есть мне сидеть дожидаться, пока мне мужа подыщут?

– Как иначе-то? – удивился Ратмир. – Неужто сама дружину в бой поведёшь?

– А если и так?

– Странная ты стала, княжна. Горе вон как пришибло, – покачал головой Ратмир и замолчал.

А я прикусила губу, не стоит сильно бравировать перед моим попутчиком. Не знаю я местного уклада, так и нечего лезть со своими поспешными выводами. Поживу у дядьки, пораз-
узнаю, что тут и как. А там и пойму, как мне быть дальше.

Глава 4

Ближе к вечеру на горизонте показались могучие стены Новгорода. Древняя крепость стояла неприступным оплотом, защищённая с одной стороны широкой рекой, которая сейчас скрылась подо льдом.

Я крепче вцепилась в поводья, думая о встрече с родственниками. Воспоминания Яромилы восстанавливались или интегрировались в моё сознание какими-то кусками и как ускорить этот процесс, я не представляла. Легко выдать себя среди людей, кто с детства знает княжну. Буду изображать пришибленную горем, это поможет мне выиграть время и адаптироваться к новым условиям. Ещё эта магия. Понятно на данный момент только одно: она есть. А дальше что? Княжну сызмальства учили с волшебой управляться, мне же пока ничего не доступно. Я не понимаю ни как призвать свои силы, ни как совладать с ними. Учителя подыскать? Это вообще не представлялось мне возможным. Разве что аккуратно порасспрашивать Ратмира или кого из сестёр, дочерей Евсея. И к Александру как-то попасть надо. Голова шла кругом от многочисленных «надо». А Новгород, как неизбежность, становился всё ближе. Мы ехали через небольшие деревеньки, окружавшие великий город. Народ почти не обращал на нас внимания, кому интересны два путника? Здесь таких много.

Тракт стал оживлённым: мимо нас по дороге тянулись обозы, ехали всадники, шли пешие. Все стремились в Новгород. Я разглядывала прохожих, особенно девушек, подмечала детали одежды, слушала речь, которая казалась родной, но была самобытной, немного непонятной, хотя в голове точно звучала «расшифровка».

Лошади, чувствуя конец пути, пошли быстрее, похрапывая от нетерпения. Народу прибавилось, мы подъехали к городским воротам. В толстенных стенах виднелся сквозной арочный проём, невысокий, но места достаточно, чтобы проехать и всадникам, и гружёным телегам. Бравые воины следили, чтобы в проходе не создавалось толчеи. Чувство благоговения охватило меня. Это же надо – Новгород тринадцатого века! Склоны арок были расписаны затейливыми узорами, до зуда в кончиках пальцев хотелось прикоснуться к такой древности, почувствовать дыхание эпох! Но меня окружающие не поймут, для них это просто ворота. За ними вплотную к стене была пристройка для охраны.

Я ожидала от средневекового города вони и грязи, однако Новгород поразил меня чистотой: мощённые деревянными брёвнами улицы, хорошая система дренажа. Нигде не видно луж, не валяется мусор, никто не выплёскивает нечистоты под ноги горожанам. Снег собран в кучи у стен домов, дороги расчищены. Ратмир вёл своего коня чуть впереди моей Зорьки, прокладывая мне путь. Мы ехали мимо деревянных домов, которые виднелись из-за частоколов.

– Погоди ещё немного, княжна, – крикнул юноша, стараясь говорить громче шумящей вокруг толпы, – скоро уже дома будем.

Я вертела головой по сторонам, сидя на лошади я могла рассмотреть устройства дворов получше. В городе было тесновато, подворья стояли близко друг к другу, часто дома выходили одной стеной на улицу. На трущобы этот район походил мало, но все избы были небольшими, однотипными, с невысокими деревянными заборами. Во дворах виднелись маленькие сарайчики для скота или птицы, другие хозяйственные постройки.

По мере нашего продвижения вперёд менялись и жилища, избы становились богаче, а дворы больше.

Ратмир уверенно направил коня к внушительным деревянным воротам в полтора человеческого роста, за которыми виднелся высокий терем. Ого, а дядюшка-то мой, судя по всему, богат. Хотя, что меня удивляет, какая ещё может быть родня у князя?

На стук распахнулась узкая калитка, из которой высунулся длинноносый плюгавенький старичок, с подозрением глядевший на Ратмира.

– Ты кто таков будешь? – прокрипел он надтреснутым голосом. – А ну, поворачивай отсель, собак сейчас спущу.

– Так ты княжну Словенскую встречаешь, пень старый, – не остался в долгу Ратмир, – вот я Евсею Лукьяновичу то расскажу, что ты Яромилу Владимировну погнал, точно нищенку какую.

Старик замер с раскрытым ртом, потёр глаза кулаками и вышел на улицу. Увидев меня, едва не бухнулся под копыта Зорьки.

– Голубушка! – завопил дед. – Живёхонька! Радость-то какая! Мы уж не чаяли!

– Тихон! – послышался со двора густой басовитый голос. – Ты с кем там?

– Ох! – старичок подскочил к калитке. – Радость-то какая, Евсей Лукьянович! Жива, жива наша Яромила Владимировна!

На улицу вылетел, точно заполошный, высокий дородный мужчина с большим животом, на нём был долгополый богатый кафтан, поверх накинута длинная шуба. Он подлетел к моей лошади, сгрёб меня своими ручищами, стащив с испуганной Зорьки, которую успел придержать Ратмир, и чуть не задушил в объятьях.

– Жива, жива звёздочка наша! Душенька, Ярочка моя!

Грузный мужчина, выше меня на две головы плакал как ребёнок. Такая реакция меня обескуражила, я растерялась, не в силах вымолвить и слова.

Дядька Евсей затащил меня во двор, куда высыпало куча народу. Через толпу протиснулась пышнотелая женщина в богато расшитом сарафане и меховой душегрее, за ней, как выводок цыплят, семенили три моих сестры. Я узнала их лица из воспоминаний княжны.

– Девочка моя! – всплеснула руками боярыня. – Уж не чаяли мы живой тебя увидеть, панихида хотели заказать, а вон радость какая!

Сёстры ревели в голос. Меня целовали и обнимали, лица мелькали как на ускоренной перемотке. Под этот шум и гам нас с Ратмиром затащили сначала в просторные сени, а потом в большую горницу. Там народ немного подуспокоился.

– Как тебе удалось бежать из Словенска?

Дядька усадил меня на скамью, тётушка опустилась рядом, обнимая и глядя по волосам.

– Ратмира благодарить надо, если не он, сейчас и панихида была бы кстати.

Тётка Авдотья закрестилась, поминутно вытирая катящиеся из глаз слёзы.

– Ну будет, будет, – загудел дядька Евсей, – полно реветь. Жива наша Ярочка. А вы чего здесь? – зыркнул он недовольно на челядь. – Собирайте на стол, гостей потчевать, да комнаты приготовьте.

Народ, набившийся в горницу, мгновенно исчез, остались только несколько сенных девушек, да мои сёстры, ревавшие до сих пор в голос.

– Воды, воды поднесите боярыням, – рявкнул дядька, – чего застыли пнями?

Одна из девушек метнулась к двери. Мужчина подошёл к стоявшему у входа Ратмиру.

– Не жмись тут, ты гость наш дорогой, за Яромилу мы перед тобой в долгу, – он самостоятельно проводил юношу до скамьи, – обскажи, как дело было. Ничего не утаивай.

Ратмир начал свой рассказ, сёстры вмиг уняли слёзы, вслушиваясь в каждое его слово. Я же наклонилась к тётке Авдотье.

– Почему вы решили, что нет меня в живых?

– Ох, Ярочка. Как оно говорят: добрые вести не спешат, а дурные как ветер летят. Вчёрась в город несколько гридней батюшки твоего объявились, все израненные, непонятно, как и до Новгорода добрались. Они сказали, что погиб Владимир Мстиславич, что одинец ливонцы захватили, а тебя ни живой, ни мёртвой никто не видел... Слава богу, жива, – тётушка снова смахнула слёзы, улыбнувшись, – намаялась, бедная, страху натерпелась. Ничего, у нас останешься, мы за тобой, как за родной ходить будем, в обиду не дадим.

Пока дядька Евсей беседовал с Ратмиром, к нам подсели сёстры, просили рассказать, как пережила я нападение. Ахали и охали, закрывая рты ладошками, пока выложила им историю своего спасения.

В горницу вошла дворовая девушка:

– Авдотья Матвеевна, столы в трапезной уж накрыты, – тихо сказала она, склонившись к тётушке.

– Евсей, хватит тебе нашего гостя расспрашивать. С дороги они, голодные.

Дядька и Ратмир поднялись, мы прошли через сени в трапезную – длинную комнату, где стоял накрытый стол с лавками. От обилия блюд у меня разбежались глаза. Жареные куры и перепела, рыба отварная и запечённая, поджаристое мясо, пареные овощи, пироги, хлеба и булочки, многочисленные кувшины с напитками, ягоды в меду.

Живот заурчал, а во рту мигом собралась слюна. Все молчали, ждали, пока мы с Ратмиром насытимся, лишь когда девушки обнесли всех мёдом, сладким, чуть терпковатым, полилась неспешная беседа.

– Великий князь, Ярослав Всеволодович, подмоги Александру не дал, – опечаленно сказал дядька, – токмо со своей дружиной и отбивает княжич клятых тевтонцев. Нескоро ещё отвоюют Словенск, вернут под длань нашу. Вражины подлые, поди разграбили всё. Ничего, справим тебе приданое, не обидим. Владимир, батюшка твой, на княжение самим Ярославом посажен был, может, и подыщут тебе жениха знатного да богатого, из молодых княжичей.

Услышанное точно обухом ударило по голове. Спорить я не стала, не та ситуация, однако и уготованная дядькой судьба меня не радовала. Не хочу сидеть запертой в хоромах, да и народ Словенский ждёт подмоги. Невольно чувствовала ответственность за них, переживала за судьбы людей. Мне во что бы то ни стало нужно попасть к Александру.

Глава 5

Трапеза подходила к концу, я усиленно старалась не заснуть прямо за столом. Вдруг тётка Авдотья всполошилась:

– Ох, голова садовая! Баньку-то, баньку не истопили!

– Да уж готова она давно, матушка, – встала со скамьи у стены одна из чернавок.

– А что же молчишь? – бахнула тётка ладонью по столу. – Гостей как следует не приветили!

– Не переживай ты так, тётушка, – вступилась я за челядь, – растерялись все. Ты ведь сама и то позабыла. Мы и так можем спать лечь, а завтра и в баньку.

– Ну, нет, – мотнула головой Авдотья, – сейчас я тебя сама помою, а потом и Ратмир попарится. Негоже два дня в пути, там по сугробам выбирались, банька-то вмиг всю усталость и хворь снимет.

Меня подхватили под руки сестрицы, проводили в небольшую горницу, помогли сбросить одежду, выдали простую длинную рубашку до пят, закутали сверху в просторный опашень (прим. автора – старинная русская распашная мужская и женская одежда, книзу почти вдвое шире, чем в плечах, с длинными, широкими рукавами, сужающимися к запястьям; разновидность кафтана), и повели к бане, что примыкала с торца к хоромам боярским.

Там, ловко набирая в деревянные шайки холодную и горячую воду, проверяя запаренные веники, меня уже поджидала тётушка. Она, точно маленькую, сама меня помыла и попарила, не слушая возражений. Впрочем, сопротивляться сил не было, я засыпала буквально на ходу.

– Кваску испей холодного, – подала Авдотья кувшин, – вон разморило как. Ничего, сейчас на перину ляжешь, одеялком пуховым укроешься, выспишься как следует. Завтра обо всех горестях и позабудешь.

Слова тётки звучали для меня точно сквозь подушку, усталость после дороги сказалась. Она сама проводила меня в спальню, расчесала косы и уложила в кровать. Со мной осталась мелкая девчонка, устроившаяся на лавке.

Утром меня разбудила младшая из дочерей Евсея, Голуба.

– Яромила, душенька, вставай. Там уж тятенька ждёт.

Глаза напрочь отказывались открываться, я повернулась набок, пытаюсь прогнать сладкую дрему.

– Батюшки, – всплеснула руками сестра, – что с тобой, Яра?

От этих слов сна как не бывало, я подскочила на кровати. Вокруг меня на простыни лежали льдинки, а изголовье ложа затянуло изморозью.

– Не знаю, – растерянно разглядывала свою постель, – после смерти отца будто с ума моя сила сошла. Не слушается, своевольничает.

– Мне Славяна сказывала, купца Еремея дочь, такое бывает, – Голуба села на кровать, стряхнув льдинки на пол, – от печали сильной, али от горя. Мы с тобой ходим к бабке Устинье, она у слободы скорняков живёт. Знатная ведунья, вмиг всё поправит.

Не знаю, обрадовала меня эта весть или, наоборот, а если бабка догадается, что я чужое тело заняла? Мало ли какая тут магия ещё есть.

– Боязно мне, – сказала я Голубе, выбираясь из постели.

Ко мне подскочила чернавка, поднесла водицы, усадила на стул с высокой спинкой и принялась расчёсывать волосы.

– Чего ты боишься? – устроилась Голуба рядом на резной скамеечке. – Она бабка известная, многим помогла.

– Откуда вы только её взяли? – глянула я на сестру недоверчиво.

Голуба потупилась, щёки окрасились румянцем:

– На женихов гадать ходили. Ворожить она тоже умеет, всё-всё нам рассказала.

– Поди царевичей, королевичей посулила? – рассмеялась я, моя прагматичная натура, даже признав, что здесь есть магия, недоверчиво восприняла весть о гадалке.

– Зачем? – усталилась на меня сестра. – Анисье купеческого сына, Пелагее поповича богатого, а мне боярина обещала. Да в скором времени.

– И чем она мне поможет? Тоже гадать начнёт?

– Она и травы знает, и заговоры разные. Пойдём, сама всё увидишь.

Меня настораживала странная бабка, но выбирать было не из кого. Может, Голуба права, и знахарка объяснит мне, как быть.

Сестра вышла из горницы, но вскоре вернулась, таща в руках ворох одежды.

– У Пелагеи отыскала, вы ж с ней одной стати, – она бухнула вещи на кровать, мигом сенная девушка принялась разбирать сарафаны, рубашки и прочее.

Для меня подобрали рубаху из тонкой, нежной материи, расшитую по подолу и рукавам цветными нитями. На неё сарафан тёмно-зелёного оттенка, поверх него соболью душегрею. На ноги – сафьяновые мягкие сапожки. На голову – очелье с длинными колтами (прим. автора – древнерусское женское украшение, плетёная металлическая подвеска, прикреплявшаяся к головному убору) с жемчугами по бокам.

– Загляденье, – обошла меня Голуба по кругу, – долго мы с тобой не виделись, сестрица. Так похорошела, расцвела. Ой, от сватов отбоя не будет.

– Не нужны мне сваты. Я домой хочу, в Словенск. Там люди помощи ждут, а я тут раз-разенной куклой хожу.

– Да где это видано, чтобы девица заступницей города была? – изумилась Голуба. – Наше дело мужей поджидать, да деток воспитывать.

– Нет у Александра дружины для защиты Пскова и Словенска, а там, кто остался? Бабы да дети, воинов всех, поди, тевтонцы перебили, как и простых мужиков, вставших на защиту города. Что же прикажешь? Бросить тех, кто всю свою жизнь служил нашей семье?

– Странная ты стала, – сощурила глаза Голуба, – ох, какая странная.

– И не такой станешь, когда при тебе отца убьют и всех, кто был дорог.

– Всё одно, – покачала головой сестра, – не будет по-твоему.

– А пожалуй, стоит прогуляться к твоей ведунье, – вдруг решила я, – спросим, что судьбой мне уготовано.

Голуба вмиг расцвела:

– Поспешим в трапезную, а там я у маменьки спрошусь пройтись с тобой по городу.

Завтрак был едва ли не такой же сытный, как ужин. Странно, как ещё сёстры мои остаются стройными, на подобных харчах и килограмм сто наесть проблем не составит.

– Ярочка, – обрадовалась тётка Авдотья, завидев нас с сестрой, – как почивала, дитятко?

Поблагодарив родных за кров, села за стол, дотянулась до румяного блинчика, обмакнула его в сметану и с удовольствием отправила в рот.

– Я сейчас до князя поспешу, – сказал молчавший дядька Евсей, – недовольны люди, что Ярослав Всеволодович дружину не дал на защиту Новгорода. Псков пал, теперь Словенск, очередь за нашим городом. Нельзя нам медлить, что-то решать надобно.

– А мы с сёстрами и Ярою пока прогуляемся, – встряла Голуба, – скучно дома весь день сидеть. Пройдёмся, пряников сахарных купим, леденцов. Платки посмотрим, али ещё какие обновки.

– И правда, – согласилась тётка, – идите, развеяться Яромиле надо.

– Только Ратмир пусть с вами отправляется, – решил дядя Евсей, – всё нам спокойнее будет. Не возражаешь, воин, остаться при княжне охранителем? Или желаешь к Александру в дружину податься?

– Не мыслю я другой судьбы, с детства меня тятенька готовил в гридни княжеские. Коли не стало Владимира Мстиславича, значит мне след при Яромиле Владимировне остаться, – жарко произнёс Ратмир, сверкая глазами.

– Добро, – кивнул дядька Евсей, улыбнувшись, – будь по слову твоему, с таким охранителем Яромиле нечего бояться. А ты, Авдотья, вели дать девчонкам серебрушек. И правда, пусть сходят на торг, развеются, наряды посмотрят.

Глаза Голубы, Пелагеи, – средней сестры и Анисьи, старшей, загорелись. Они переглянулись, заулыбавшись.

– Уж мы тебе покажем, – затараторила Голуба, – платья аксамитовые, сарафаны парчовые, сапожки сафьяновые, ленты шёлковые, – она закатила глаза к потолку.

– Полно, полно, – добродушно заворчал дядька Евсей, – успеется.

После завтрака сёстры подобрали для меня длинную тёплую шубу, круглую шапочку и рукавицы. Гурьбой мы высыпали на улицу, сёстры подхватили меня под локотки, потащив мимо изгородей. За нами спешил Ратмир, положив руку на эфес своего меча и зорко глядя по сторонам.

Большой рынок, шумевший, как бушующее море, мы благополучно обошли. Сёстры свернули на боковую улочку, миновали скорняжью слободу и скоро вышли к небольшому закоулку, где в тупичке за невысокой калиткой виднелась маленькая избушка.

– Ратмир, побудь тут, – подошла к моему телохранителю Голуба, – тебе туда нельзя.

– Яромила, знаешь ли ты, куда идёшь?

– Ты в своём уме ли, ратник? – вдруг вспылила Анисья. – Мы сестру в обиду не дадим!

– Простите, боярышня, – потупился Ратмир, – после Словенска везде мне опасность чудится.

Он остался возле калитки, а мы прошли через небольшой двор, где в снегу деловито копошились куры и, отворив двери, ступили в тёмные сени.

Глава 6

Болтавшие всю дорогу без умолку сёстры примолкли, встали в темноте, будто ожидая кого-то. Пахло полыньёю и чабрецом, чуток шибал в нос дух кислой капусты. Мои ладошки стало покалывать, как тогда в лесу, я пару раз встряхнула руками.

– Заходи ужо, княжна, пока сенцы мне не поморозила, – раздался из-за двери приятный женский голос.

Голуба подтолкнула меня в спину:

– Ступай, тебя звала.

– А вы? – оглянулась я на сестёр.

– Когда позовёт, тогда и зайдём, – ответила Пелагея, указав рукой на дверь.

Чуть заробев, заглянула в комнату. Почти всё пространство занимала большая печь, от которой сейчас несло жаром, у окошка стоял столик, на нём пыхтел паром самовар.

– Проходи, поди не кусаюсь, – на меня смотрела женщина лет сорока пяти, статная с густой русой косой, лицо чуть тронули первые морщины, но в глазах не угасли искры молодости. Простое платье подчёркивало хорошую фигуру и пышную грудь. Вот так бабка, подумалось мне, да она с такой-то внешностью многим молодухам фору даст.

Я зашла в горницу, притворив за собой дверь.

– Доброго дня.

– И тебе поздорову, княжна Словенская, – улыбнулась женщина, наливая в деревянную кружку душистый взвар, от которого по комнате разнёсся запах летнего поля, сдобрила напиток ложкой мёда, – присядь со мной, – она указала на лавку, что стояла напротив стола.

Я опустилась на скамейку, взяла предложенный мне отвар, осторожно пригубила. По телу пробежала тёплая волна, от которой как-то прояснились мысли, отступила навязчивая тревога и ушло покалывание в ладонях.

– Меня сёстры привели к вам, – сказала я, не зная с чего начать разговор.

– Всё ведаю, – кивнула Устинья, ласково улыбнувшись, – не робей, не обижу. Чары шалят? Так это легко поправить.

– Правда? – услышанное взбодрило, но осведомлённость знахарки невольно настораживала.

– Не робей, мне многое ведомо, – ведунья положила свою ладонь на мою руку и тревогу смело прочь, – а тебе много предстоит свершить, пусть и не по своей воле. Одно должна помнить, твои чары – это ты. Не призываешь же руку, чтобы поднять эту кружку? Она послушна тебе с рождения, так и сила твоя. Она часть тебя, твоё продолжение. Вспомни, чему тебя матушка учила.

– А что мне свершить предстоит? Вдруг не осилю? Нужно в Словенск вернуться?

– Всеми своё время, – Устинья подвинула ко мне чашку с ягодами клюквы в меду, – отведай, Яромила. Не спеши жить, само собой всё сложится, тебе лишь готовой надо быть. Забыли мы, что деды наши заповедовали, потому и обрушились напасти на Русь. А свобода она каждому от рождения дадена.

Я не понимала ни слова из речи ведуньи, но перебить её не решалась.

– Это как нарыв, – продолжала Устинья, придвинувшись ко мне ближе, – можно примочками его лечить, ждать, пока гной из раны вытянет, но иногда требуется резать по живому. Иначе не справиться.

– При чём здесь я?

– Ты и пришла к нам клинком острым. Поступай, как сердце тебе велит, и помни, у правды всегда заступники найдутся, не одна ты.

Теперь вопросов у меня было ещё больше, уж и не знаю, стоило ли идти сюда?

– Скоро тебя князь к себе призовет, – вдруг быстро заговорила Устинья, – держи глаза и уши открытыми. А сестрицам своим передай, пусть не бегают ко мне больше, судьбу не ищут, Пряха может и по-другому жизнь повернуть, не любит она, когда тревожат её понапрасну. Теперь ступай, княжна, – ведунья протянула мне маленький холщовый мешочек с травами, – сделаешь отвар, когда тебя князь призовет, перед самой встречей и выпьешь.

Я встала, неловко попрощавшись, Устинья вдруг оказалась совсем близко ко мне, её глаза распахнулись, зрачки потемнели, будто два омуты, притягивая к себе:

– Чужого места никто занять не может, каждому своё уготовано. Теперь ты княжна Словенская, Яромила. Род принял тебя и в беде не оставит. Не пройдет и года, встретишь ты того, кто с тобой одной судьбы, силу великую через него обретешь. Ступай, княжна, – Устинья отпрянула от меня, улыбнулась и кивнула на дверь.

Я попятилась от неё и чуть не упала через высокий порог, Анисья успела подхватить.

– Идёмте, – поправив одежду, сказала сёстрам, – Устинья велела больше не приходить к ней, иначе судьба ваша переменится.

Сёстры испуганно переглянулись, и мы вышли во двор. За забором ходил туда-сюда, как часовой, Ратмир, с тревогой поглядывая на дом ведуньи. Завидев нас, он с облегчением улыбнулся и отворил калитку.

Сёстры повели меня за собой.

– Я третьего дня видела, – затараторила Голуба, – к нам купцы приехали, говорят, из самой Византии ткани привезли. Надо бы пойти, глянуть. Яромиле наряды пошить. Не всё же ей в твоих сарафанах ходить, Пелагея.

– Сейчас мы всё и подберём, девки за пару дней несколько нарядов успеют справиться, – кивнула Анисья.

До самого вечера мотались мы по большому рынку. Сёстры скупили кучу материала и готовых нарядов, узорчатые очелья, серьги, подвески, бусы из ярких камней, платки, расшитые золотом, сапожки из тонкой кожи. Сколько же денег дал им дядька Евсей? Ратмир где-то отыскал мальчишку с санками, сгрузил на них всю поклажу и поволок до дому.

Я ожидала, что тётка осерчает, увидев наше расточительство, но Авдотья, деловито разложив покупки на широкой скамье в горнице, где занималась с девушками рукодельем, перебирала всё привезённое, да только нахваливала.

– Ткань-то до чего чудесная, – разложила она отрез аксамита (прим. автора – устаревшее название плотной ворсистой, часто узорчатой ткани из шёлка и золотой или серебряной нити, напоминающей бархат), – в таком-то наряде не стыдно и великому князю на глаза показаться. Ярочка, справим тебе одежду честь по чести, не хуже наших княжон будешь.

Сенные девушки обступили боярыню, слушая её поручения, принимая из рук ткани, ленты и украшения. Так мы и провозились с обновками до самого ужина.

Когда спустились в трапезную, дядька Евсей был уже там со своими людьми: оружником боярским, ключником, ближними кметями.

– Вот и ласточки мои, – улыбнулся он дочерям, – ну, рассказывайте, чего на торгу видали, всё ли нужное Яромиле взяли?

Сестрицы, усевшись за стол, наперебой рассказывали отцу обо всём, тот улыбался, как довольный кот рядом с миской сметаны.

– Добро, – кивнул дядька, – наряды нашей Ярочке пригодятся. Александр зовёт тебя на пир, вместе с Ратмиром, желает самолично послушать, как Словенск тевтонцы захватили. Уж ты, душа моя, Авдотья, проследи, чтобы у Яромилы платье не хуже княжеских было, – повернулся он к жене.

– Всё сделаю, – улыбнулась тётка, зачерпывая ложкой сытные мясные щи, – такие наряды справим, глаз не отведут от нашей Яромилы. Глядишь, и жених хороший сыщется, – подмигнула она мне.

Кусок застрял у меня поперёк горла, я и забыла про предсказание Устины, пока мы были заняты обновками, а сейчас слова её вспомнились. Не солгала ведунья, вот она, встреча с Александром. Надо бы подготовиться, а как. Что говорить? Как себя с князем вести? Станет ли он девицу слушать?

После ужина я перехватила дядьку Евсея:

– Помоги мне, дядюшка, – ласково взяла его под руку, – как мне при князе быть? Боюсь осрамиться.

Боярин взглянул на меня с высоты своего немаленького роста:

– Мудрая ты, как твоя матушка. Правильно разумеешь, на пиру себя вести надобно уметь. Не в своём тереме будешь, с роднёй да девками санными, там всяких хватает.

Мы прошли в комнаты дядюшки и тётки, Евсей сел перед изразцовой печью, чернавка помогла стащить с ног сапоги, подала меховые поршни. Другая девушка поднесла нам прохладного квасу.

– Мы с тобой рядом с князем сидеть не будем, и породовитее бояре имеются. Хмельным вином станут обносить, не пробуй его. Есть такие охальники, всё норовят спойть кого, а потом потешаться, али перед князем дураком выставить. Отвечай, не смущаясь, но и лишнего не говори. Я рядом буду, не бойся. Теперича ступай, поздно уже, почивать пора.

Я, выйдя из комнаты, заплутала в коридорах, пришлось спускаться в тёмные сени, оттуда уж дорогу помню до своей горницы. Возле дверей стояло двое кметей из охраны боярской. Держал дядюшка при себе с десяток воинов. Меня насторожило странное поведение мужчины. Услышав мои шаги, он и бровью не повёл, не повернул головы, стоял точно истукан. Я подошла поближе. Глаза кметя были пусты, как у куклы.

– Эй, – окликнула его, – ты в порядке?

Воин медленно повернул голову, фокусируя взгляд на моём лице.

– Чего желаешь, Яромила Владимировна?

– Ты как тут? Не захворал часом?

Ни одной эмоции не отразилось на лице охранника, и ответа на свой вопрос я не дождалась. Странно всё это. Не околдованный ли он? И спросить не у кого.

Постояв немного возле кметя, пошла к себе, навстречу мне уже спешила молоденькая чернавка:

– Княжна, обыскалась тебя, – залепетала она.

– Кваску испить ходила, – соврала я девчонке.

– Я уже в горницу принесла и водицы студёной, и квасу, чего тебе ноги студить, Яромила Владимировна. Идём, спать пора. Боярин заругается.

Забравшись в постель, прикрыла глаза. Из головы не шёл странный воин. Эх, мне бы советчика какого, кто бы рассказал, что здесь и как.

Глава 7

Весь следующий день был потрачен на мои наряды, Авдотья согнала сенных девушек, усадила их за шитьё.

– Тётушка, – увидев такой размах, я постаралась как-то унять предприимчивую боярыню, – есть ведь у меня готовые платья. Зачем с новыми так спешить?

– Впервые на пир к князю едешь, нельзя осрамиться, – Авдотья металась от одной чернавки к другой, проверяя, всё ли сделано как надо.

– Скажешь тоже, – усмехнулась я, – чай не оборванкой в княжий терем войду.

– Ярочка, ты княжна, хоть и удельная. У Александра на пиру бояре будут в лалах и смарагдах, в соболях, можно ли тебе хуже выглядеть? Нет, я не отпущу тебя абы как. Войдёшь в столовые палаты, ахнут все.

Такая бурная деятельность начинала меня пугать. Тётке дай волю, она все драгоценности в доме на меня навешает и все меха. В горницу заглянула Голуба и поманила меня за собой. Я с радостью ретировалась из-под тёткиной опеки.

– Идём, – сестра схватила меня за руку, – там уже баньку истопили, сейчас с травками попаримся, волосы промоем отварами, будешь завтра, как звезда утренняя сиять.

Из груди невольно вырвался стон, и эта туда же. Как помешались все на приёме у князя. Оно, конечно, событие знаменательное, но не истерить же из-за этого?

По пути к нам присоединились и Анисья с Пелагеей, теперь мне точно кранты. Замоют и запарят до полусмерти. Под белы рученьки сопроводили меня в баню, в парилке уже нечем было дышать, а из ушата поднимался столб пара, воду сестрицы набрали погорячее. Эдак они меня сейчас ошпарят, хороша я буду завтра, вся в волдырях. Я незаметно опустила руку к воде и очень сильно пожелала, чтобы она остыла. Из ладони потянуло холодком, а потом пар сник, я почувствовала прохладу, ещё минута и вода в ушате покрылась тоненькой корочкой льда.

– Ты глянь только, – всплеснула руками Голуба, – чего творит. Яра! Всё потешаешься, как раньше?

– А вы меня сварите в кипятке, – возмутилась я, – завтра на пир пойду аки рак красная. Одной горячей воды плеснули.

– Ладно, ладно, – примирительно сказала Пелагея, подавая мне кувшин холодного кваса, – ты, Голуба, и правда, пылу-то поубавь.

Меня тёрли, скребли, мыли и снова тёрли. После бани я себя чувствовала, будто весь день работала на стройке грузчиком. Сил осталось только дотащиться до своей горницы и бухнуться в кровать. Хорошо, хоть здесь меня ждал покой и тишина.

Утром, ни свет ни заря, меня разбудила девчонка-чернавка, Малушка:

– Княжна, поднимайся, боярыня приказала тебя пораньше поднять. Сбираться на пир к князю.

– С ума они все посходили с этим пиром, – зевнула так, что чуть не вывихнула челюсть, – темно ещё на дворе!

– Так велено, – пожала плечами Малушка, отыскивая в маленьком сундучке гребень.

Не успела чернавка расчесать мне волосы, как в горницу ввалилась тётка Авдотья с целой армией служанок на хвосте.

– Чего копаешься? – недовольно глянула на Малушу боярыня, девчонка съежилась, спрятавшись за мой стул.

– Не серчай, тётушка, – заступилась за чернавку, – это я долго на перине нежилась.

– И тебе засиживаться некогда, – переключилась Авдотья на меня, – Дуня, ну-ка, косы княжне заплети. Вы не стойте столбами, – обернулась она к своей «свите», – раскладывайте наряды, сейчас и примерим всё.

Вокруг поднялся гомон и переполох, засновали девушки. Дуня, быстро и ловко прочесав мои густые волосы, заплела косу. И началась примерка.

Для пира мне подготовили длинное платье из алого аксамита с золотым шитьём по подолу, сверху надевался отложной воротник, широкий, закрывавший плечи и весь расшитый золотом, лалами и жемчугом. Запястья перехватили золотые наручи, усыпанные самоцветами, драгоценный пояс украсил талию. На голову надели небольшую коруну, подобие узкой диадемы, с усыпанными жемчугом да яхонтами колтами. Тётка накинула сверху душегрейку из рысьего меха. Ещё и бус на шею повесили, так что та мигом разболелась.

– Тётушка, пощади, – взмолилась я, – хребет от такой тяжести переломится. Зачем мне столько бус?

– Как же иначе? – искренне удивилась Авдотья. – Чай княжна, не девка какая.

– И потому меня надо камнями, точно пса репьями, обвешать?

– Ох и скажешь, – встrepенулась боярыня, – разве ж лалы, жемчуга да яхонты можно с репьями сравнивать?

– Тётушка, куда столько. Я же едва стою!

– Матушка, – вмешалась присоединившаяся к нам Голуба, – и верно, ворот только расшитый оставь, под него бусы яхонтовые повесь, чтобы не поверху были, узор золотой закрывают.

Сняли душегрейку, воротник стащили, нацепили нитки рубинов и гранатов, вернули на место тяжёлый ворот, от шитья толстый, как броня. Как они в этом всё ходят?

– Глянь, краса какая, – залюбовалась сестрица, – и жемчуга видно теперь.

Я только молча вздыхала, спорить с тётушкой в приступе «кутюрье а-ля русс» бесполезно.

– Соболю душегрею подайте, – требовательно сказала Авдотья, протянув руку к вороху одежды, сложенной на большом сундуке.

Снова меня переодевали, вешали жемчужные нитки на шею, меняли пояса, один другого краше, девушки подносили венчики и коруны. Скоро у меня болела не только шея, затекли плечи, голову саднило, руки ныли от тяжёлых наручей.

В комнату заглянула чернавка:

– Боярин велел всем в трапезную идти, – сказала она, удивлённо рассматривая горницу, что больше была похожа на сокровищницу. От первых лучей солнца заиграли, заблестели самоцветы, драгоценные меха искрились, сияло золото и серебро.

А дядька-то мой богат! Это хорошо, значит, и у меня должно быть что-нибудь припасено. Не могло всё в одном Словенске храниться. Я на это надеюсь. Мне же город поднять надо, как там после нападения тевтонцев ныне? А на всё деньги нужны. Незаметно для себя я прониклась судьбами людей Словенска. Не виноваты они, что князя убили, а в теле дочери и вовсе самозванка. Если уж мне выпало стать единственным потомком, то и ответ держать надо. Хотя бы у Александра попытаться подмоги испросить.

С этими мыслями дошла я до трапезной, мельком бросив взгляд на кметей, так и стоявшими столбами у дверей в сених. Станные, ох и странные воины у Авдея. И память Яромилы, как назло, молчала.

Пир был назначен на вечер, но мне скучать не пришлось. Дом стал похож на филиал дурдома, все куда-то неслись, меня отвели в горницу, где шили наряды, теперь туда сносили украшения, шубы, душегреи, опашени.

Я боялась только одного, что от усталости попросту засну на пиру у князя. Но, наконец, наряд был готов, а меня отпустили в мою горницу передохнуть. Прилегла на перину, чувствуя, как ноет каждая клеточка тела. Ох, не засыпаться бы у князя. Ну как станет спрашивать о ком-то, кто мне неизвестен. Собственно, я и об отце с матерью мало что знаю. Одна надежда, что Александр будет больше Ратмира расспрашивать, толку с девчонки, сидевшей в тереме? Веки мои незаметно сомкнулись, а нежные объятья сна сулили долгожданный отдых.

Не знаю, сколько времени прошло, но очнулась я от вдруг обуявшего меня ужаса. С выдохом, я резво подскочила на кровати. Сердце гулко билось в груди, отдаваясь шумом в висках.

– Сон, это сон, – оглянулась, приходя в себя.

– Княжна? – испугалась Малушка. – Тревожное что привиделось?

– Да, – отёрла пот со лба и тут вспомнила о травках, данных Устиньей, – сбегай на кухню, – вытащи мешочек, передала его девчонке, – скажи, пусть отвар мне приготовят. И не медли.

В моём голосе прорезались повелительные нотки, вот она княжья натура, видно, отголоски прежней хозяйки тела. Девчонка убежала, зажав мешочек в кулаке, а я снова окунулась в видения, напугавшие меня. Там были маги. Во дворе человек в чёрной рясе передо мной сотворил маленький смерч, который всё разрастался, набираясь силы. И вокруг монаха появилось странное зеленоватое свечение. В памяти всплывали слова матушки.

– Каждый чародей своим цветом отмечен, а ты наблюдай. Кто жёлтым сияет, у того силы малёхонько, зелёный посильнее будет, а увидишь алый, знай, перед тобой могущественный колдун.

– А я какая? Не вижу вокруг себя ничего, – маленькая Яра прижалась к матери, наблюдая за монахом, что теперь умирал рукотворный вихрь.

– Ты сейчас точно маленький изумруд сияешь, но чары твои расти будут, пока не созреешь, девицей не станешь.

Картина резко сменилась. Теперь я была совсем маленькой, лет пяти, и бежала по крутому берегу реки, увлечшись погоней за яркой бабочкой. Земля под ногами вдруг осыпалась, и я полетела вниз, к бурным водам. Ветер свистел в ушах, внизу приближалась река, я кричала, сердце бешено колотилось от ужаса и тут... в последний момент меня подхватил поток воздуха, мягко опустив на берег... От этого ощущения падения я и проснулась.

Вот оно что, начал доходить до меня смысл увиденного. Здесь у магов есть разные уровни силы. Интересно, как можно эти уровни определить? Может, нужно как-то по-особому смотреть?

Дверь открылась, и на пороге появилась сенная девушка:

– Тебя, княжна, боярин видеть желает.

Я поднялась с постели, поправила сарафан, как могла, причесала волосы и пошла за ней в палаты супругов. Первая комната, где мы давеча беседовали с дядюшкой, служила ему своего рода кабинетом, там он принимал челядь. Там и поджидал меня Евсей.

– Яра, проходи, – дядя был сосредоточен и хмур, – скоро уже отправимся с тобой к Александру, надо бы тебя обо всём упредить.

Я присела на скамейку, внутри всё сжалось, что ещё уготовила мне проказница-судьба?

– Ты знаешь, – начал боярин, запустив свою пятерню в густую бороду, – на пир девиц не зовут...

Вот так новость! И чем моя персона так заинтересовала князя? Звал бы Ратмира да расспрашивал его. Не к добру всё это.

– Сегодня Александр сделал исключение. Даже сестра его Ульяна будет и её ближние боярыни, – продолжал Евсей, – и не для расспросов зовёт тебя князь. Хочет приглядеться получше, решить, за кого отдать.

– Отдать?

Дядька взглянул удивлённо:

– А как иначе? Словенск город хоть и небольшой, да на самой границе стоит, ему сильная рука нужна, человек надёжный, абы кому княжну не просватают. Сегодня судьба твоя решится, Яра. Ты не перечь, я за тебя говорить буду. Из тех, кого прочит Александр в мужья тебе, выберу достойного, чтобы и тебя уважил, и град отчий берёг. Много охочих до княжьих палат найдётся, все бояре знатные сегодня соберутся. И город твой – кусочек лакомый, и сама

ты. Немного княжон могут силой чародейской похвастать, вырождаются колдуны на Руси, и отчего никто не ведаёт. Сама понимать должна, как сегодня сложится, так и жизнь твоя пройдёт. Будь осторожна в речах.

Я сглотнула комок, застрявший в горле, и, кивнув, ответила:

– Сделаю, всё, как велишь, дядюшка, – а сама пальцы скрестила, если мне что-то не понравится, буду действовать в своих интересах.

Глава 8

Теперь мне стала понятна беготня и бурные приготовления ко встрече с князем. Ох, где вы, воспоминания Яромилы? Обрывочные сведения, достающиеся мне во снах, были малоинформативны.

От дядюшки меня забрала тётка Авдотья и повела в свою комнату. Там уже лежал на сундуке одобренный ею наряд. Платье оставили то же красное аксомитовое, душегрею подобрали соболиную, жемчуга и яхонты заняли своё место на шее. Я молча стояла, не противясь более. Тётке виднее, как меня нарядить.

Только мы успели собраться, как в горницу вбежала девушка:

– Сани готовы, Евсей Лукьянович лютует, ждёт княжну.

– Идём, идём, – откликнулась Авдотья, – сейчас Яромила спустится, скажи боярину.

Женщина потянула меня к двери, что вела из горницы во внутренние покои, там я увидела большое зеркало, чуть мутное, похоже, выполненное из отполированной меди.

– Глянься в зеркало, Ярушка, – подтолкнула меня тётка, – хороша-то как.

Я впервые увидела своё отражение. Передо мной стояла статная девушка, чёрная, густая коса, блестящая богаче шёлка, спускалась через плечо ниже пояса. Карие глаза большие, с поволокой и длинными ресницами притягивали взгляд, алые сочные губы, точёный носик, высокие скулы. Яромила была не просто хороша – красавица, каких поискать! Высокую грудь не скрывал даже тяжёлый отложной воротник, а тонкий стан подчёркивал широкий узорчатый пояс, украшенный лалами и золотым шитьём.

Я замерла, заворожённо глядя на себя, даже забыла о том, что меня дядька Евсей дожидается. Лишь когда в отражении появилась тётушка, очнулась от любования и, улыбнувшись, обернулась к ней.

– Благодарю тебя, Авдотья Матвеевна, наряд прямо княжеский, на пиру все завидовать будут.

Тётка обняла меня:

– Жаль, матушка не видит, какой красавицей ты стала, – в глазах женщины блеснули слёзы, – ну пора, пора, дитятко.

Мне на плечи накинули соболью шубу, длинную и неудобную, мехом внутрь, сверху она была заткана дорогой парчой. С сёстрами и Авдотьей мы спустились во двор. Там стояло двое запряжённых красавцами-конями саней, внутри повозки были укрыты шкурами, на дугах, узде и оголовье упряжи висели колокольчики, и сами повозки были расписными, яркими.

В первый возок забрались я, дядя Евсей и Ратмир, вторые сани заняли гридни боярина, молчаливые и неживые, как тот кметь в сенях. Моего гридня сегодня тоже приодели: алая рубашка с вышитым воротом, суконный кафтан сверху, а на нём узорчатый опашень, отделанный мехами. Уважил Евсей Лукьянович спасителя княжны. Поверх одежды Ратмир надел шубу, подпоясанную кушаком. Мой гридень выглядел не хуже других.

Ворота распахнулись, свистнул хлыст над тройками лошадей, и сани понесли нас к Городищу, где стоял княжий терем.

Повозки мчались по городу, гиканьем возница разгонял народ с улиц, бойкие мальчишки бежали вслед. Красив Новгород Великий, богат. Повсюду видны терема бояр и купцов: добротные, украшенные резьбой, расписанные яркими красками.

Морозный ветер охлаждал мои щёки, вплетался в косу, норовя растрепать волосы, тёплую круглую шапочку, отороченную собольим мехом, приходилось придерживать рукой. Скоро показалось белое полотно застывшей зимней реки – Волхова. Над ней, на высоком утёсе за окольным городом, поднимались стены детинца, на солнце шатровая крыша терема ярко сияла золотом. Видна была и Торговая сторона с белеющими храмами, темнело вдалеке озеро Иль-

мень. Поодаль просматривались монастыри, мелкие деревушки, окружившие Новгород, точно цыплята наседку. Дорога к детинцу была запружена санными, ехали бояре, купцы и приглашённые гости на пир княжеский, со своими ближними, с кметями. С удивлением поглядывали на меня из саней, шутка ли, девицу в столовые палаты пригласили.

Дядька грозно зыркал на любопытных, отводили мужи взгляд в сторону, знали Евсея Лукьяновича в городе и боялись его гнева.

Ратмир, схватившись за края саней, неотрывно смотрел по сторонам, любясь чудным градом. А мне всё ошутимее становилось не по себе. Как там будет, на пиру?

Проехали окольный город, тоже входивший во владения Александра, возле ворот, ведущих в детинец; сани сбавили ход, чтобы не создавать толчею. На широком дворе всё было запружено возками, выбирались из них степенные важные бояре, тиуны княжеские, купцы родовитые.

К нам подбежали мальчишки из дворни, подхватили лошадей под уздцы, провели сани почти до самых ступеней терема. Парнишки, снующие между возков, ловко управлялись с транспортом, только гости сходили, сани тут же отправлялись в другой конец двора, конюхи принимали лошадей под свою опеку.

Я стояла перед высоким крыльцом, руки тихонько подрагивали, краска прилила к лицу, сердце билось в груди, точно пичужка в клетке.

– Идём, Яромила, – степенно подошёл ко мне Евсей Лукьянович, – не робей, самого князя ты гостя званая.

Вскинув голову и расправив плечи, пошла вслед за дядюшкой. Не стоит показывать, что я до жути боюсь. Подумают, что слаба княжна Словенская, и не видать мне больше родного города. Оробел и Ратмир, притих, шагая позади меня, как и положено гридню. Он хоть и купеческий сын, а всё же почёт ему сегодня оказан немалый.

Холопы провели нас в столовую палату. Большое помещение с куполообразной кровлей было богато украшено резьбой и росписью, на стенах висели тканые полотна, дорогое оружие и доспехи. У стен стояли длинные лавки, вдоль них столы. Место князя находилось на возвышении, сейчас там сидел Владыка Новгородский, муж годов пятидесяти с длинной окладистой седой бородой.

Бояре, тихо переговариваясь, занимали места по чину, в порядке строгой иерархии. Девичам отвели отдельный стол. Кресло с высокой позолоченной спинкой, стоявшее во главе, пока пустовало. Я растерялась, не зная, куда мне сесть. Дядя Евсей приостановился, ожидая, когда ко мне подбежит юноша из челяди.

– Княжна Яромила, дозволь проводить тебя, – обратился ко мне юркий парнишка в расшитой рубахе с алым кушаком.

Евсей Лукьянович довольно кивнул, указал Ратмиру его место в конце стола, а сам прошествовал дальше.

Юноша усадил меня возле стены, так что перед моим взором был открыт весь зал. Место мне досталось чуть ниже княжны и её ближних. Хорошо, значит, статус мой неплох даже для Новгорода. Девичи, сидевшие рядышком, не стеснясь, разглядывали меня, как таракана под микроскопом. Я видела зависть в их взорах, когда смотрели они на меха богатые, ярко сверкающие лалы и яхонты, крупный жемчуг, коруну усыпанную самоцветами.

Вокруг столов сновали стольники и чашники, разносили каши варённые с овощами, калачи, хлеба. В деревянных ковшах стояли мёды, квас, кисели ягодные и сбитень.

Богатые закуски виднелись на блюдах: осетровая и севрюжья икра, стерляжья, белужья. Рыба жареная и вяленая, приготовленная на пару: лососина, белужина, осётр. Стольники подносили гостям калю – особый вид ухи.

На вертелах заносили в палаты расторопные стольники жареные туши поросят, на блюдах, украшенных брусникой и клюквой, исходили ароматным паром тетерева, перепела и фазаны. Пирогов разных не счесть: с мясом, капустой, рыбой и грибами.

К горячим блюдам на всех столах в изобилии стояли каши, пареная репа, редька и горох, солёные грибы и листья щавеля.

Если даже пробовать каждое блюдо понемногу, то мне дня два понадобится. От такого обильного застолья глаза разбежались. На миг я отвлеклась от мрачных мыслей, разглядывая всё это великолепие.

Места за моим столом всё заполнялись, слышались шепотки и тихие разговоры. Боярыни, допущенные на пир, понемногу пробовали закуски. А вот тарелка под суп была одна на двоих. Интересно как! Вот только мне не хотелось есть ни с кем из одной посуды, потому я незаметно отодвинула от себя калю.

Если девушки переговаривались тихонько, то мужчины не стеснялись. В зале стало шумно от голосов, кто-то перекрикивал соседей, общаясь со знакомыми, что сидели поодаль. Чашники обносили мужчин медами и сбитнем, приглашённые оживились, застучали ложки, ломали на куски пышные хлеба, зачерпывая ими икру.

Я решила поесть, пока князь не появился в столовых палатах, кто знает, как оно там повернётся. Передо мной стояло блюдо с перепелами, птица, томлённая в печи, была невероятно вкусной. И я не заметила, как приговорила две тушки, заедая грибами и пареной репой.

Вдруг шум стих, все обернулись ко входу в палаты. Там стояли князь Александр и княжна Ульяна.

Глава 9

Я застыла, чуть не подавившись куском пирога. Александр, как и его сестра, производили неизгладимое впечатление.

Князь был одет в тёмно-алую рубашку тонкого шёлка, всю расшитую узором из золотой нити, сверху кафтан, так плотно затканый золотом, что, казалось, его сделали из куса драгоценного металла, на воротнике блистали самоцветы, пояс перехвачен красным кушаком, расшитым яхонтами и смарагдами (изумрудами). На плечах красовалась парчовая пурпурная ферязь, как и весь остальной наряд, затканная золотом и камнями. Князь явно хотел произвести на кого-то впечатление, и уж точно не на удельную княжну Словенска. Скорее всего, желает показать свою власть над боярами, особый свой статус. Новгород – город непростой, правителя сюда призывают, нет тут воли Великого Князя. Значит, шаткое положение у Александра сейчас. Хотя моих познаний для подковерных интриг времён Древней Руси явно мало.

Княжна Ульяна не уступала своему старшему брату: пурпурное платье, украшенное крупным жемчугом и камнями, отложной воротник, искусно расшитый узорами из лалов, золотые наручи, на пальцах блистают шикарные перстни, корона усыпана самоцветами. Девушка была высокой, статной. Русая коса толщиной с мужскую руку перевита богатыми лентами, сосватана, значит, Ульяна. Голубые широко расставленные глаза смотрели на бояр без тени смущения, подбородок высоко поднят, спина прямая. Алые губы чуть приоткрылись в улыбке.

А вот Александр совсем не походил на те портреты, которые мне довелось видеть. У князя были светло-русые, чуть выющиеся волосы, большие глаза, того же цвета небесной синевы, как у сестры, прямой нос, тяжёлый подбородок, что несколько скрадывала короткая борода, более тёмного оттенка, чем волосы. Он был молод, однако во взгляде читалась несвойственная его годам мудрость и проницательность. Высокий, с тренированными мышцами. Не так, как у «качков», наращивающие свои мускулы в спортзале и на протеине. В нём была воинская стать, мужественность, которую можно приобрести, лишь пройдя не одно сражение.

В палатах повисла тишина, Александр и Ульяна, не торопясь, шли на свои места. Проходя мимо меня, князь обернулся и остановился.

– Рад, что ты жива осталась Яромила Владимировна. Не погиб род Словенских князей.

Я так растерялась! Не понимала, как мне себя вести. Встала из-за стола, поклонилась, насколько это было возможно.

– Благодарю, Александр Ярославович.

Князь уже шёл дальше, и негодующих взглядов от бояр я не заметила, значит, всё в порядке. Бухнулась на скамью, переводя дыхание.

Александр взошёл на возвышение, поклонился в обе стороны, поприветствовал гостей и лишь потом сел. Так же поступила и Ульяна. Боярышни, занимавшие места рядом с княжной, засуетились, предлагая закуски и блюда. Чашники подоспели, разливая напитки.

За столом князя прислуживали юноши в богатых одеяниях, наверное, сыновья бояр. Быть стольником государя – должность почётная.

В палатах становилось жарко, я вся вспотела под собольей душегреей и снять нельзя. Да и у многих на лбу выступили бисеринки пота, одежда бояр ведь тоже была многослойной, подбитой мехами. Я вытащила из рукава небольшую тряпицу, которую сунула мне Авдотья, отёрла влажное лицо. Тётка часто мужа на пиры провожает, знает, каково здесь.

Девушки усердно потчевали Ульяну яствами, остальные тоже сосредоточенно жевали, а вот за мужским столом всё больше прикладывались к чашам с хмельным. Разговоры стали громче, и я, прислушавшись, обомлела. Речь шла обо мне.

– У княжны дар от матери и второй жёнки не надо, сама чародеев нарожает. Да каких! Февронья водой повелевала, не раз Словенск спасла от нападений. Если княжна в мать пошла, лучше невесты и не сыскать, – басил низкий, однако широкий в плечах мужчина с чёрной бородой, заросшей до самых глаз.

– Уж не за свою ли Мишку её засватать задумал? – фыркнул высокий худой старик, тонко неприятно рассмеявшись. – Не по Сеньке шапка!

Я обернулась на Александра, тот разговаривал с Владыкой и речей, где мной торговали точно коровой какой, не слышал. Отыскала взглядом дядьку Евсея, он о чём-то спорил с соседом, не слышать.

– Рты разинули, – вдруг громко крикнул захмелевший боярин с лицом, изрытым оспинами, – Илье моему такая невеста впору! Я за неё и откуп богатый дам, не поскуплюсь. Не вам чета! Захотели! В палаты княжеские забраться!

При этих словах, девушка, что сидела напротив, вдруг потемнела лицом и зыркнула на меня с ненавистью. Вот так история. Она-то, выходит, на Илью виды имеет или уже сосватана в его семью, вон и лента в косе виднеется.

Если до этого я была растеряна, то сейчас в груди раскалённой волной поднимался гнев. Я им что, кобыла породистая?! Внаглую торгуются, как за кусок мяса.

– Чего ж ты брешешь? – продолжался спор вокруг моей персоны. – Куда твоему Илюшке да Словенском володеть?! – теперь кричал мужик сверху стола, кряжистый, как столетний дуб. – Моему Белозару такая невеста впору! Наш род твоего древнее будет!

– В Белозаре твоём еле душа держится, все знают, квёлый он, сможет ли деток наплодить или княжна пустоцветом ходить будет? – не унимался рябой.

– Ах ты, собачья душонка! – подскочил кряжистый.

Дядька Евсей оторвался от своего разговора и, наконец, прислушался к дележу. Брови его сошлись на переносице, ноздри раздулись, на скулах заходили желваки, но боярин молчал, подмечая, кто и как себя ведёт. У Александра за столом тоже наступила тишина, князь и Владыка обратили внимание на слишком шумный спор. Невский метнул на меня быстрый, нечитаемый взор.

Кряжистый порывался выбраться с лавки, но соседи приструнили его, усадив обратно, однако он не унимался.

– Илюшка твой безродный, второй жены сын! Захотел чародея заполучить, да не вышло, – он рассмеялся, показав рябому кукиш.

– Словенском чародей должен владеть! – вмешался сосед кряжистого, высокий, рыжий мужик. – Как мой Елизар! Вот кто княжне Словенской ровня!

– Елизару твоему, – не унимался рябой, – годков то уже сколько. Всё перебирали невест, пока старость к сыну не подкралась. Чароде-е-ей, – дразнил он рыжего, – едва жёлтым светит.

– Ты в своём уме?! – возмутился рыжий. – Годков-то всего тридцать сыну, самая пора.

– Ага, – не удержался кряжистый, – пора сынов уже своих сватать!

Александр зорко следил за каждым, подавшись вперёд. Я глянула на девушку, что сидела с лицом, мрачнее тучи. Та, заметив мой взгляд, отвернулась и громко сказала:

– Княжна без кола, без двора. Милостью дядюшки живёт, своего ничего не имея. Погнали из Словенска, как собаку безродную.

В голове что-то тонко, звонко треснуло. Ну, это уж слишком!

Сперва по рукам пробежал холодок. Потом странная дрожь, будто ледяная вода потекла по жилам вместо крови. Воздух вокруг меня стал густеть, наполняться морозной взвесью.

Не выдержав этого позорного спора, дележа и слов наглой девицы, я медленно поднялась из-за стола. В ушах нарастал звон.

– Хватит, – просипела я.

Но меня никто не услышал.

– ХВАТИТ!!! – выкрикнула, перекрывая голоса всех и одновременно возле меня словно что-то взорвалось!

Девиц, что сидели напротив, вышвырнуло из-за стола под ноги боярам. Стены палат не просто вздрогнули, они закрипели, заходили ходуном от волны силы, что исходила от меня, подпитываемая бушующей яростью. Взор заволокло серебристой дымкой, будто я смотрела на весь мир сквозь кристалл льда. Каждый вдох обжигал легкие холодом, каждый выдох превращался в морозное облачко.

Краем глаза заметила, как подскочил князь, выставив ладони. Вокруг него взметнулись алые всполохи.

Ледяные лезвия всё летели и летели, и я не собиралась их останавливать!

Вы у меня получите племенную кобылу! Пожалее, что даже мысль о сватовстве допустили в свои дурные головы!

Я устрою вам делёжку добычи на одре моего отца!

Стены быстро покрывались ледяными узорами, затягивало их морозной коркой. Князь выскочил из-за стола, метнувшись куда-то вбок. Увидела, что там чуть не раскроило голову незадачливому рябому, упавшим со стены боевым топором. Александр взмахнул рукой и оружие смело в сторону.

– Яра! – громко крикнул дядька Евсей. – Охолонись! Поубиваешь всех до единого!

Но холод во мне был сильнее его слов. Лёд был сильнее всего.

– Мало вам! – будто и не я отвечала вовсе, будто иная сила пробудилась во мне. – Отца похоронить не успела, сваты уж пожаловали! Получайте невесту!

Ледяной вихрь взъярился вокруг меня пуще прежнего, девицы, не прекращая визжать, разбежались кто куда. Туча острого, точно ножи, ледяного крошева металась по залу, на стенах повисли лохмотья от гобеленов, бояре прятались под столы, прикрываясь блюдами, с которых выбросили еду.

И среди этого буйства морозной стихии ко мне шёл князь. Вокруг него возник воздушный кокон, игравший всеми оттенками алого.

– Яромила! Стой! Прекрати!

– Нет! – дерзко крикнула в ответ, сама не понимая, откуда во мне столько злости и... азарта? Адреналин буквально кипел в крови.

Александр, преодолевая сопротивление, всё же смог подобраться вплотную ко мне. Наши взоры встретились, радужки глаз князя были белыми, только чёрные точки зрачков остались. Он смотрел на меня без злости, спокойно будто вокруг нас ничего не происходит. Ещё шаг и вот он схватил меня за плечи, с душегреи посыпались ледяные осколки, весь мой наряд покрылся морозной коркой.

– Яра, – тихо сказал Александр, – я не дам тебя в обиду, слово даю.

Гнев мой уже унимался, а речь князя подействовала, как успокоительное. Я опустила руки, и пурга, бушевавшая в палатах, тотчас улеглась. Бояре испуганно выглядывали из-под столов, их бороды и ресницы были все в инее. Из рта людей вырывался пар, кто-то стонал.

– Тихо, тихо, – князь гладил меня по плечам, стряхивая льдинки, – никто не посмеет тебя замуж против твоей воли взять. Не гневайся, Яромила.

Он говорил со мной точно с ребёнком, но это подействовало, хоть его слова и доносились до меня сквозь звон в ушах. Я медленно села на лавку, чувствуя, что едва держусь на ногах. Меня замутило, голова закружилась. Александр устроился рядом, неведомо откуда в руках у него возникла чаша с мёдом, которую он мне и протянул.

– Испей, сил прибавит.

Тремя глотками осушила внушительную посудину, в горле была пустыня.

Потихоньку все выбирались из своих укрытий, по залу побежали шепотки:

– Княжна-то алая! Алая! А норов-то крут! Где с такой сдюжить...

Я обвела мутным взором палаты, и силы стали стремительно покидать меня, сознание затягивало тьмой, последние проблески его померкли, уступая мгле, что приняла меня в свои объятия.

Глава 10

Время и пространство потеряли значение, я тонула в воспоминаниях Яромилы, как в омуте. Они хлынули бурным потоком, стоило мне погрузиться в туманное марево сна. Яркие, живые, осязаемые. Передо мной проносились детские годы, потеря матушки, её уроки, горе отца после смерти любимой жены, учёба княжны с церковным дьяком. Наши сознания взаимопроникали друг в друга, и не понять, где была Виктория Северцева, а где княжна Яромила Владимировна. Я переживала её чувства, её эмоции, запоздалой болью резануло сердце воспоминание о потере отца. Ощущала, как по лицу текут слёзы, и не понимала, во сне это или наяву.

Иной раз перед глазами начинали виться морозные узоры, лёд заключал меня в кокон, словно оберегая от чего-то. Я смотрела на своё отражение и видела, как пылает вокруг меня ало-карминовое пламя, ближе к телу переходящее в синеву. И глаза... Из карих они стали льдисто-голубыми.

Я нашла ответы на все вопросы, вернее, вспомнила. И про воинов, чей пустой взор так поразил меня у дяди Евсея.

– Когда-то только князья, да ближние их владели магией, – звучал в моей голове голос отца, – но потом жениться начали княжичи на простолюдинках.

– Разве можно так, тятенька? – маленькая Яра пытливо заглядывала в глаза князя.

– Они не по-настоящему женились, вырастешь, поймёшь, – смутился тогда отец.

– Понарошку? Это забава такая была? – не унималась маленькая княжна.

– Можно и так сказать. Хватит. Я не об этом, – оборвал меня Владимир, – так вот, когда детки одарённые стали рождаться у людей (прим. автора – свободные крестьяне, члены сельской общины, участвующие в ее жизни и вечевых собраниях), смердов (прим. автора – основная масса крестьян, земледельцы, прикрепленные к земле) и холопок простых, князья посоветовались и решили их на службу поставить, дабы силу волшебную крестьянской кровью не разбавлять. А девиц-чародеек вторыми жёнами себе бояре брали.

– Как это? – пискнула княжна. – То понарошку женятся, то вторыми жёнами берут. И у тебя есть вторая жена, папенька?

– Нет, – шутливо щёлкнул по носу отец Яромилу, – никто мне кроме матушки твоей не нужен.

– Разве не перед богом люди венчаются? Дьяк Архип говорил: никто такой союз разделить не в силах. А про вторых жён он не сказывал.

– Мала ты ещё, Ярушка. Вырастешь, всё узнаешь.

И снова княжна беседует с отцом, только постарше она уже. Идут они к гриднице, где живут дружинники Словенска.

– Сейчас увидишь, Яромила, как чародеев из крестьян на службу ставят, никого не допускают сюда, однако ты княжна, тебе многое знать надо.

В просторной избе, что примыкала к гриднице, увидела Яра мальчишек от десяти до четырнадцати лет. С ними были наставники, хмурые седые кметы, которые уже не принимали участия в битвах, лишь заботились о молодых ратниках.

Юнцы сидели рядом на лавках с большими кружками в руках, откуда шёл едва различимый парок.

– Каждому пить до дна, – поучал их старик-наставник, – палки, что дали вам ранее, после того, как отвар примете, зажмите в зубах, чтобы от боли языки не пооткусывать.

Мальчишки боязливо переглянулись между собой. Наставники нахмурились.

– Без этого настоящим воином не стать, – резко сказал один из них, – пейте.

Будущие ратники принялись к напитку, поморщились и судорожно глотая, осушили кружки до дна. Не прошло и минуты, как их тела начало выворачивать судорогами, глаза зака-

тились, наставники кружили над своими подопечными, кого придерживая, кого отодвигая от лавки, чтобы голову не расшиб. Не знаю, сколько это продолжалось. Яромила, вцепившись в руку отца, широко раскрыв глаза, смотрела на испытание. Сколько времени прошло – неизвестно, только мальчишки по одному начали открывать глаза: пустые, холодные.

– Встань, – к каждому подходил высокий кметь лет сорока.

Парни поднимались, занимая место у стены, безвольные и безмолвные, точно страшные ожившие куклы.

Яромила отпрянула от окна, откуда наблюдала за жестоким превращением, и я очнулась.

– Яра! Как же ты нас напугала! – надо мной склонилась Голуба. – Как ты?

– Н-нормально, – язык еле ворочался, прилипая от жажды к нёбу, – водицы бы испить.

– Сейчас, сейчас, – сестра сделала знак чернавке, и та поднесла кружку.

Утолив жажду, огляделась кругом: горница с высокими сводами, в углу печь изразцовая, стены коврами завешаны.

– Где мы?

– В княжьем тереме, – ответила Голуба, – меня допустили ухаживать за тобой. Ай да пороку ты навела! – сестрица тихо рассмеялась. – Пока тебя лекари опекали, по приказу Александра, тятенька домой приехал, поведал нам всё, что случилось. Ох и осерчала маменька, сама к терему поспешила, бояре, что с вами вместе пировали, разъехаться ещё не успели. Матушка бороды-то им знатно прорядила, – Голуба расхохоталась в голос. За ней и я развеселилась, представив эту картину, как разбегались от Авдотьи Матвеевны степенные мужи, опасаясь гнева боярыни.

– Сколько же я здесь?

– Так со вчерашнего, – Голуба что-то тихо сказала чернавке, и та вышла из спальни, – с тобой князь говорить желает.

– Ты за ним послала? – испугалась я.

– Да где же это видано, чтобы мужчина в девичью светёлку ходил? – всплеснула руками сестра, – лекаря позвать велела. Вот посмотрит тебя и решит, можно подниматься или рано ещё.

Скоро в горницу чернавка привела старичка такого согбенного, что, казалось, он носом до пола достанет.

– Сядь, дитятко, – сказал дедушка бодрым голосом, который никак не вязался с его внешностью.

Длинными пальцами, похожими на паучьи лапки, лекарь повертел мою голову, заглядывая в глаза, оттянул книзу по очереди веки.

– Чары послушны тебе, княжна?

Я подняла ладонь, на ней начал появляться морозный узор, сила текла ровно и спокойно, полностью мне подчинившись. Будто сорвало все блоки, что мешали мне совладать с волшебством. А не те ли травки так действовали на меня, которые дала Устинья? Я ведь выпила отвар перед самым отъездом в Городище.

– Здорова, – кивнул старичок, – много сил на пиру отдала, а вот поди ж ты, – будто сам с собой говорил лекарь, – молодость и не то осилит. Впредь, княжна, чарам своим воли такой не давай, выжжешь себя.

Чернавка увела старичка, я же поднялась с постели, чувствуя в теле необычайную лёгкость.

– Садись, – кивнула мне Голуба на стул с резной спинкой, – косы заплету и одеваться будем.

– Платье моё, наверное, негодное? – спросила я.

– Из дома тебе другой наряд прихватила. Уговорила маменьку с ней ехать, а потом и князя умолила за тобой ходить. Кто же лучше родных о тебе позаботится?

Я обернулась к сестре:

– Спасибо тебе, Голуба, как бы справилась без тебя и не ведаю, – обняла девушку, услышав едва заметный всхлип.

– Ну что ты, что ты, – успокаивая то ли меня, то ли себя, сказала сестра, – для чего же родня нужна. Вместе всем держаться надо, в том наша сила.

С удвоенным рвением она принялась за мои волосы, чуть не выдергав половину, заплела свободную косу. Потом достала синее платье, расшитое зелёным с серебром узором, душегрея из рыси, на голову очелье, украшенное камнями.

– Беги, скажи князю, Яромила Владимировна в себя пришла, – обернулась Голуба к чернавке.

Солнце через высокие, узкие окошки заливало горницу слепящим светом, время обеденное, долго же я провалялась.

Минут через сорок нас позвали к Александру. Я попросила Голубу сопровождать меня, и сестра согласилась, наедине девице с мужчиной говорить не пристало.

Нас провели по переходам до княжьего терема, там на втором этаже, находились палаты, где Александр принимал просителей в кругу приближённых. Та же искусная резьба, позолота, богатый декор: я будто попала в музей. Князь сидел в высоком кресле, больше похожем на трон. Рядом с ним были тиуны, челядинцы, военные советники.

– Здравствуй, Яромила Владимировна, – кивнул Александр, приветствуя меня, – здорова ли ты, хорошо ли почивала?

– Благодарю, Александр Ярославович, за заботу твою, – поклонилась я князю.

– Присядь, – указал мне Невский на скамеечку, что стояла подле его кресла, – потолкуем с тобой, как дальше быть.

По коже метнулись противные мурашки, Голуба опустилась рядом со мной, слегка придерживая мою руку чуть повыше локтя, чтобы подбодрить.

Люди, окружавшие князя, повинаясь его лёгкому кивку, отошли поодаль от нас.

– Не понравилось тебе сватовство, что бояре затеяли? – Александр лукаво улыбнулся.

– Прости, князь, пир я тебе испортила, только не по душе мне слышать, как меня делят, будто корову на торге.

Невский тихо рассмеялся:

– Новгородские бояре привыкли сами всё решать, им и князь-то не указ.

– Что же, меня можно продать тому, кто больше заплатит? – по позвоночнику закололо холодом, и я почувствовала, как из ладошек потянуло стужей.

– Уйми, княжна, свои чары, – сказал Александр, – второй раз тебе подобного не простят. Я глубоко вздохнула, сила точно растворилась в воздухе, унялась.

– Ты сама себя спасла от сватовства новгородцев, – лёгкая улыбка снова заиграла на губах мужчины, – чародейки, кто сияет алым светом, могут быть сосватаны только после одобрения Великого князя, моего отца Ярослава Всеволодовича.

Вот так новость! Теперь мною сам государь всея Руси торговать будет?

– Ты Яромилу в Киев заберёшь? – испуганно спросила Голуба.

– Нет, зачем? Словенску сильный управитель нужен, тут уж батюшка сам свою волю объявит. Я же приставлю к княжне наставника, который поможет ей с чарами совладать.

– Княжна потеряла отца, – сестра смело глядела в глаза князю, – отпеть не успели, помин совершить. В трауре она, можно ли о свадьбе речь вести?

– Я помню об этом, – мягко сказал Александр, – полгода никто не посмеет сватов слать. И коль город твой тевтонцами захвачен, нечего и думать перебраться туда. У меня пока руки связаны, одна дружина, только и всего. Нет войска, чтобы освободить Словенск и Псков. Уведу я туда кметей, и к Новгороду сразу вороги пожалуют. Пока наберу ещё ратников, кто знает,

сколько времени пройдёт. Не могу обещать скорой свободы твоей вотчине, Яромила Владимировна.

– Благодарю, князь, что говоришь со мной не таясь, не как с малым дитём. Всё понимаю, нельзя Новгород оставить без защиты, иначе тевтонцам дорога на Русь открыта будет, нескоро поспеет Великий князь со своим войском. Спасибо, что наставника мне определил, чары мои после смерти отца иной раз шалят. Мне пока лучше у дядюшки будет, нет у меня защитника, кроме него.

– Недолго врагам в княжьих палатах Словенска пировать, – зло ухмыльнулся Александр, – найдём и на них управу. Во дворе ждут тебя с сестрой сани, отправляйся к родне, княжна. Я призову тебя, когда понадобится.

Глава 11

Мы с Голубой уселись в нарядные, расписные сани, чуть не доверху заложенные дорогами шкурами.

– С почётом князь проводил, – довольно улыбнулась сестра.

Возница мчал нас по городу, только успевал народ отбегать из-под полозьев. Морозный воздух холодил щёки, избавлял от тяжёлых дум. Как нельзя лучше всё сложилось, замуж меня пока не торопят. Судьбу мою Великий князь решит? Пусть так, небось кого попало не выберет. И когда это ещё будет? Ярослав Всеволодович в Киеве, нескоро до Новгорода доберётся. Я же пока магии подучусь, надеюсь, Александр скоро пришлёт наставника. А сейчас бы передохнуть. Воспоминания Яромилы заполнили разум, осиным непоседливым роем кружа в голове. Зачарованные воины, девушки, которых отдавали вторыми жёнами боярам да купцам. Они жили в тереме, только как! Их не показывали гостям, не выпускали на улицу, кусочек сада, отгороженного высоким забором, да светлица навсегда становились тюрьмой для них. И если девушка не рожала мага, как того хотел боярин, условия её жизни становились и вовсе невыносимыми. Это же какое-то узаконенное рабство! Что здесь творится?! Почему все считают подобное обращение нормальным? Память Яромилы подкинуло мне ещё одно воспоминание из детства девушки: княжна прогуливалась по саду с сёстрами, и дядя Евсей присоединился к детям, решив подышать воздухом перед ужином.

– Дядя, у вас тоже вторая жена есть? – спросила любопытная девочка.

– Зачем? – удивился мужчина. – Мы с Авдотьей хорошо живём. Дочки у нас красавицы, чего ещё желать?

– Ребёнка с чарами.

– На кой? – усмехнулся Евсей. – Не каждому сила дана и бог с ней! Своим разумом жить надо, на чары не надеяться. Кому даровано больше, чем другим с того и спрос иной.

– Как это?

– Мама твоя разве не спасала город от набегов, идя вместе с ратниками?

– Так она княжна.

– И что? Она женщина, а с дружиной в бой идёт. Как и дьяк ваш, как и другие кудесники. Все они в ответе за людей, лишённых чар.

– За всех? – удивилась княжна. – Я тоже?

– И ты, когда подрастёшь, станешь город свой защищать.

– Как, оказывается, непросто чародейкой быть, – вздохнула Яромила.

– То-то же, – рассмеялся дядька, – хорошо, что ты это понимаешь.

Интересно, тем солдатам-зомби тоже внушают, что они ради государства лишаются человеческого облика и всей жизни? Как бы мне разузнать об этом побольше? Не идти же в гридницу к Александру, да и дядька Евсей удивится, коли я начну к его кметям приставать. Ладно, вот приедет тот самый наставник, расспрошу его аккуратно.

Каково же было моё удивление, когда возле дома, кроме прочей дворни, нас встретил высокий, худощавый старик, во взгляде которого чувствовалась какая-то скрытая сила. Впрочем, почему какая-то? Незнакомец точно маг, я буквально кожей это почувствовала.

– Яра, как же ты нас напугала! – тётка Авдотья подошла ко мне, заботливо обняла, с тревогой заглядывая в глаза. – Ох уж эти мне охальники, – потрясла она кулаком в воздухе, – княжну они делить удумали.

– Маменька, погоди, – со смехом подошла старшая из сестёр, Анисья, – с дороги отдохнуть дай Голубе и Яромиле.

Мы вошли в сени, в доме пахло выпечкой и готовящейся пищей.

– Иди к себе, – отправил меня дядя, – Малушка поможет переодеться, а потом уже и в трапезную можно. Познакомишься со своим наставником, обговорите всё спокойно.

Значит, я была права. Быстро же Александр действует, ай да князь! Пока чернавка помогала мне раздеться, обдумывала, что же можно сделать эдакого со своей силой. Оружие калить? Там всё же плюсовые температуры используют, если охладить сталь слишком сильно, она станет хрупкой. Хм, а вот форму для отливки делать можно. С узорами и готовыми отверстиями в нужных местах. Стоит это обдумать. С кузнецом бы обговорить, только откуда же его взять? Девушку кто пустит к мужикам-ремесленникам? Ох уж мне эти условности, только жизнь осложняют!

Я быстро сменила тяжёлое неудобное платье на лёгкий сарафан и поспешила вниз. Не терпится узнать поближе, каков наставник из себя.

Трапеза проходила чинно, пока мужчины не насытились.

– Вот, Яромила, – отёр дядя усы, – твой наставник, Ведагор Добранович. Он самого князя нашего, Александра учитель.

Ого! А старичок-то непрост. Обучать государева сына! Какой, интересно, его уровень силы?

Ведагор ел понемногу, отдавая предпочтение обычной каше и пареным овощам. Он смотрел в тарелку, но, кажется, ничто не ускользнуло от хитрого взгляда.

– Когда княжна приступит желает? – спросил он, отодвинув свою тарелку.

– Хотя сейчас, мои чары в последнее время шалят, мне хотелось бы разобраться с этим.

– Похвально твоё рвение, – улыбнулся Ведагор, – однако сегодня отдохни. Вчера ты чуть не сожгла себя в гневе, не годится так скоро к чарам взывать.

– Как скажешь, наставник, – кивнула ему.

– И что послушна, княжна, мне по нраву, – старик, чуть прищурившись, глядел на меня, словно пытаюсь прочесть мои мысли.

– Если тебе, Ведагор Добранович, сам Александр доверяет, мне ли спорить? – тихо рассмеялась я.

– Ты не по годам мудра, княжна, толк из тебя выйдет, – старичок ласково поглядел на меня.

А мне ничего не оставалось, как идти к себе в горницу и валяться на перине. Утром меня разбудила Малуша:

– Княжна, там Ведагор Добранович тебя видеть желает.

Я сонно хлопала глазами, за окном только-только забрезжил рассвет:

– Поддай рубашку и сарафан, пойду, если старичку не лень в такую рань вставать, то мне тем более стыдно отлынивать.

Быстро ополоснула лицо, оделась и поспешила во двор, зевая украдкой. Наставник был на улице, шумно вдыхал морозный воздух с таким выражением лица, будто пряники ест медовые.

– Яромила, – обернулся старик, хотя я была ещё далеко от него, – ждал тебя.

– Как ты узнал, кто идёт?

– Воздух подвластен мне. Любое движение можно почувствовать и запах людей различать, – улыбнулся Ведагор.

– И я так смогу? – глаза у меня загорелись от таких вестей и руки зачесались в предвкушении.

– Тебе лёд подвластен, другая стихия, только и от неё много пользы есть.

– Расскажешь? – я присела на лавку у стены дома, пригласив наставника устроиться поближе.

– А как же? Для этого к тебе и приставлен, – старичок опустил рядышком, – купцам помогать, ледники делать для рыбы или мяса, кровь из раны останавливать ратникам нашим, ломать замёрзшие глыбы под ногами врагов, превращая его в оружие.

– Можно ведь просто заморозить воинов, кто на нас нападёт.

– Верно, – старичок пытливо поглядел на меня, – да только дело это хитрое, своих бы не задеть. Хорошо владеть чарами надо, искусно. Ещё можно объединить свои силы с другим кудесником, тогда и вовсе добиться многого удастся.

– Покажешь? – подскочила в нетерпении с лавочки, чуть не приплясывая возле Ведагора.

– Погоди, козочка любопытная, стар я всё-таки.

– Сдаётся мне, Ведагор Добранович, ты ещё и наших мальчишек обогнать сможешь, – рассмеялась я, сила в наставнике чувствовалась немалая.

– Раскусила, Ярушка, – шутливо погрозил мне указательным пальцем старик, – отойдём подальше, будет тебе чудо.

Глава 12

Мы отошли за терем и хозяйственные постройки, Ведагор Добранович остановился на утоптанном пятачке снега. Старик, подняв кисти рук, замер ненадолго, вскоре перед ним замерцал, сначала едва заметно, а потом всё больше чудесный рисунок, сложившийся из маленьких снежинок. Передо мной раскинулась берёзовая роща, и ветви каждого дерева шевелились, как настоящие, и даже листочки на них.

– Диво какое... – я замерла, рассматривая чудесную картину, как загипнотизированная подошла поближе и увидела, что каждый кристаллик льда едва заметно трепетал, поддерживаемый невидимыми струями воздуха. На такое был способен невероятно искусный маг, даже я, волшебница без году неделя, ясно это осознавала.

– Нравится, княжна? – усмехнулся Ведагор.

– Слов нет... – стояла поражённая увиденным, – как такое возможно? Ты ведь каждую снежинку отдельно удерживаешь в воздухе? Права я, наставник?

– Всё верно подметила, – кивнул учитель, – а теперь добавь толику своей силы, так чтобы весь узор тонкой корочкой покрыть. Осторожно, чары разумно расходуй.

Я застыла, соображая, как рассчитать толщину ледяного панциря. Льды формируются по-разному, и всё зависит от многих факторов: влажности, ветра, температуры воздуха. Каждая снежинка в картине Ведагора поддерживается отдельным «ветерком», надо сделать поправку и на это.

Прикрыв глаза, прикинула примерно как мне действовать. Представила единичный кристаллик льда, который объединяется с предыдущим, подняла руки, создавая «полотно», пока не затрагивая творение наставника, а потом словно «впаяла» его рисунок в ледяной тончайший лист.

Ведагор подхватил наше совместное творение, подняв его повыше, под лучи солнца, и рисунок заиграл всеми цветами радуги.

– Невероятно! – сложила я руки на груди.

– Ты отлично справилась, княжна, – улыбнулся наставник, – глыбами ледяными каждый может швыряться, а такое искусство требует большей смекалки и мастерства.

– Жаль, не получится его сохранить, – вздохнула в ответ.

– Почему? – удивился Ведагор. – А ну-ка, поразмысли.

Я свела брови, так... Можно удалить пузырьки воздуха, тем самым повысив плотность, но так всё равно не получить «вечный лёд».

– Он ведь всё равно растает, пусть и не так скоро, как обычная сосулька.

– Верно, а если охладить воздух, то прослужит долго, пока сил у чародея хватит. Вот в чём суть объединения двух кудесников. Как долго проживёт наше творение зависит не только от того, какого цвета маг, но и от сезона.

– Я поняла, наставник, о чём ты толкуешь. В битве ведь тоже можно вместе сражаться?

– А как же! Матушка твоя Февронья свои чары с другим кудесником сливала, ох и гнали тогда врагов! После её смерти несколько лет прошло, пока отважились они носы свои сунуть к Пскову и Словенску.

– Расскажи мне об этом!

Ведагор махнул рукой, и наше творение рассыпалось снежинками, упав на снег.

– Одной чародейке, даже такой сильной, как княгиня, трудно целое озеро из берегов заставить выйти. Вот и ходили они на битвы с помощником, тем, что воздухом повелевать мог. Февронья давала воде силу, а он даровал мощь и быстроту. Малую дружину вместе начисто смести могли.

– С дядком, что мне в детстве вихри показывал?

– С ним самым, – усмехнулся Ведагор, – выходит, помнишь его?

– Немного.

– Ты ловко сейчас управилась, матушке своей в силе не уступишь, почему сомневаешься в себе, говорила, не слушаются тебя чары?

– На пиру князя я потеряла контроль.

– Ой, не лги старику, княжна, – тихонько рассмеялся наставник, – всё ты чуяла и чарами своими швырялась от души, эх бояре тебя задели, ха!

– Обидно стало, – потупилась я, – что же меня, как корову на торге делят.

– Правильно силу свою показала, пусть знают, – усмехнулся старик, – и Александру подспорье будет. Два сильных чародея в Новгороде.

– Три. Вы мастер, и неважно, сколько вам лет. Но всё равно, почему нас так мало? – покачала головой я.

Собеседник на мою поправку лишь тихо усмехнулся, но, посерьезнев, добавил:

– Кудесники слабеют. Не каждый род княжеский али боярский может сынами или дочерями с даром похвастать, а те, которые рождаются, разве что листья с дерева страсти могут, куда таким за вотчину свою постоять.

– Почему?

– Кабы кто знал.

– Ведагор Добранович, сейчас ты лукавишь, – испытующе заглянула в мудрые очи старца, – это ведь оттого, что разум кметей в телах запирают и девиц против их воли боярам отдают...

– Крамольные речи ведёшь, Яромила, – сдвинулись к переносице кустистые седые брови наставника, – при другом не скажи. Однако же, выходит, верны твои догадки. Раньше не было таких законов, чтобы чародеев неволить, процветала волшба. Только... – вздохнул горько Ведагор, – давно минули те времена...

– Но тогда князья сами погубят силу на земле нашей, выродится она.

– Много споров об этом идёт, – кивнул наставник, – только толку мало. Каждый на своём стоит, а князьям новые воины нужны: послушные их воле.

– И жёны-невольницы, – опустила я голову, – жаль мне их.

– Рано девице юной о таком думать, – Ведагор потрепал меня по плечу.

– Разве? А когда в самый раз? Когда Великий князь меня подороже продаст, как трофей? Я хочу по своему желанию себе мужа выбрать.

Ведагор прикрыл тяжёлые веки:

– Ты отважна, как Александр. Понимаю, почему он так проникся к тебе. Однако помни...

– Девице много воли не дадут, – закончила я фразу.

– И мудростью не обделена, – ласково улыбнулся Ведагор, – идём, слышу, к столу нас кличут.

Из-за угла показалась Малуша, и я снова подивилась силе наставника. Он что всю округу так слышит? Выходит, чары его «работают» постоянно. Надо и мне подобному научиться.

Дома был переполох, в трапезной застали только сестёр, ни дяди, ни тёти не было, по сеням носилась челядь.

– Что приключилось с утра? – спросила у растерянной Анисьи.

– Вы же ещё не знаете. Александр сегодня покинул Новгород, – ответила сестра.

– Отчего вдруг? Где же он теперь?

– На пути в свою вотчину, – взял словно Ведагор Добранович, – в Переяславле-Залесском родовое гнездо князя. А покинул нас Александр потому, что бояре в Новгороде силу большую имеют, могут правителя призвать, а могут и назад погнать. Не стал наш государь терпеть их похвальбу и вечное недовольство. Остался Новгород без защитника. И тебе следует начеку быть.

– Почему? Зачем я им?

– Ты чародейка, придут гордые бояре и скоро. Ливонцы Псков и Словенск взяли, а значит, сюда направятся.

– Вот как? Я без князя их не приму и делать ничего не стану, даже если ливонцы в сам город войдут!

– Разве можно так? – в трапезной показался Ратмир, которого я не видела с самого пира. – Станешь смотреть, как женщин и детей убивают?

Он, наверное, был прав, только и я не могла сильно вмешиваться в историю этого странного мира, полный магической силы. Кто знает, как повернутся события, если помогу боярам? А вдруг потом захватит Батый Новгород или ещё чего похуже приключится? Нет, мне придётся стоять на своём.

– Пусть гонца вслед Александру шлют да повинятся перед ним, – насупилась я, вставая с места, – где мне одной с войском ливонским справиться? Или бояре ваши на поле бранное выйдут?! Как пить дать, в погребах хоронятся станут, богатства припрятывая. А им есть дело до малых детей? Не из-за своей ли спеси они князя обидели?! Кто им защитой и опорой был?!

Трапезную накрыла тишина, и я заметила, что к нам присоединился дядя Евсей.

– Словами Владимира молвишь, Яромила. Слышу его в твоём голосе, – боярин опустился на лавку, – потому и еду сейчас к этим гордецам. Ливонцы недолго в Пскове останутся. Даже девица понимает, не сдюжить нам без князя и дружины его. Когда ещё весть до Киева дойдёт. Да и там Ярослав Всеволодович осерчает, что обиду учинили сыну его.

– Послушают тебя, батюшка? – испуганно спросила Пелагея.

– Уж и не знаю, – плечи Евсея поникли.

– Ты им передай мои слова, дядюшка. Пусть не ходят. Я перед Великим князем или Александром ответ держать буду.

По рукам побежали холодные иголки.

– Ты чары свои уйми, княжна, – резко сказал мне Ведагор, – что они словно из худого мешка лезут? Врагов здесь нет у тебя.

– Прости, наставник, – я опустила взгляд, умиряя свои силы.

– Верно всё ты сказала, Яромила. Попытаюсь втолковать всё боярам, – дядя Евсей поднялся, – ждите меня к вечеру, как оно будет, не знаю.

Вместе с хозяином из сеней вышли два рослых ратника, опасается дядюшка за свою жизнь и, наверное, не зря. Не понравятся его речи боярам.

Глава 13

Вернулся дядя Евсей мрачный, велел подать ужин к себе и даже в трапезную не вышел, говорить ни с кем не захотел.

– Переживает, – покачала головой тётка Авдотья, – бояре взбеленились будто, не хотят на царство никого звать, своим умом де править будут. А куда им? Давеча слышала на рынке первые беглецы из деревень появились, будто туда ливонцы добрались, глумятся над простым людом, хаты жгут, девок за волосы утаскивают. Ох, что же будет теперь?

Ливонцы? По моим подсчётам до Ледового побоища ещё месяца полтора, оно ведь в самом начале апреля было. Но здесь – это не там, потому полагаться на собственную память нельзя. А нам тогда что делать? В самом Новгороде тоже дружина имеется, только не одолеть ратникам чужаков, превосходящих в силе.

На третий день бояре и правда явились по мою душу, с дарами богатыми, мне до сих пор и видеть столько не приходилось!

Меня усадили в горнице, где тётушка обычно рукоделием занималась, на резное кресло. Сам дядя Евсей велел, видать, хотел подчеркнуть мою важность. Позади меня с грозным лицом стоял Ратмир, по обе стороны Авдотья и Евсей, сестрицы на лавочке подальше, там же скромненько так разместился и Ведагор Добранович.

В комнату, шумно отдуваясь, ввалились трое бояр, толстых, с багровыми лицами от натуги. Тащили они в руках драгоценности в большой резной шкатулке: бусы самоцветные, серьги дорогие и просто золото, зеркальца заморские в серебряной оправе, гребни жемчугами и камнями украшенные. За ними челядинцы с мехами роскошными в руках. Ого! Поистине царский дар, за такой потом и спросят немало.

Первый гость снял шапку и утёр ею вспотевшее лицо:

– Поздорову, тебе, Евсей Лукьянович, и боярыне твоей, и тебе, княжна Яромила Владимировна. Прими от нас дары богатые, челом бьёт тебе люд Новгородский.

Все чинно поздоровались с пришедшими.

– Чего вы хотите от меня?

– Знамо что, – девушки поднесли гостям квасу, и теперь грузный мужчина шумно пил из ковша, – оборони нас от ливонцев проклятых, не дай загубить им Новгород, как твой Словенск.

Дядя Евсей намеренно не пригласил пришедших в трапезную. Гости незваные, неожиданные, пусть довольствуются светлицей девичьей.

– Ты предлагаешь мне самой идти против врагов? За такое доверие – спасибо, да только не сдюжу. Как говорят? Один в поле не воин.

– Что ты, что ты, Яромила Владимировна, – замахал руками другой, – где же это видано, княжну да в битву пускать. Подсобишь только. Может, камнями ледяными войско вражье обкидаешь? Ты чародейка знатная.

– Зря меня расхваливаешь, сам видел на пиру, чары не всегда мне послушны, не осилю я, выгорю. А ещё скажу, зря вы Александра обидели, он за город, как за родную вотчину стоял. Без его дружины не справиться вам с ливонцами. За подарки спасибо, только не надо мне мехов да жемчугов.

– Скажи ей, – глянул на дядьку грузный.

– Неволишь княжну не стану, Гордей, – нахмурился боярин, – и другим не позволю. Верно всё Яромила говорит, шлите гонцов до князя. Он один от беды может Новгород спасти.

Гости зашушукались, заспорили, не сводя с меня глаз.

– Княжна, – начал Гордей, – ты только помоги немного дружине, а там справимся. В обиду тебя не дадим и чары свои сбережёшь.

– А ты знаешь, как уберечь кудесницу, чтобы она сил своих не лишилась? – хлопнул по лавке Ведагор Добранович, отчего пришедшие дружно вздрогнули. – Знаешь, сколько алых на всю страну-то осталось?! Ни за что девицу погубишь и город вам не спасти! Уже бегут селяне, чьи деревни ливонцы пожгли.

Голос наставника, став неожиданно громким, гортанным, разнёсся далеко за пределы горницы. Присели бояре от страха, лица их побелели.

– Брешут всё, – выглянул из-за спины Гордея его спутник, – бабы языками чешут, где ни попадя. То людишки лихие в деревеньку заехали, а смерды уж и бежать. Всё им ливонцы мерещатся.

– Видел ли ты, как город горит? – тихо спросил Ратмир. – Как заживо люди в огне погибают, заходясь криками от боли? Как дети малые в пелёнках корчатся, а снег красным от крови становится? Князя погнали, теперь вам и ответ за это держать перед Киевом. Если будет кому, – он страшно оскалился, глаза горели гневом, – я был в Словенске, всё сам видел. Не напрасно боятся селяне, ливонцам наш город только на закуску был, быстро схарчат, а потом и на Новгород пойдут, пока весенняя распутица льды ломать не начала, дороги грязью заливать. Скоро жди их, Гордей.

От речи воина лица бояр перекосило, они хватали воздух ртом, не зная, что сказать, но взяли себя в руки.

– По своей воле не пойдёшь, княжна, мы и Евсею можем путь из Новгорода указать, – угрожающе произнёс второй боярин.

– В своём ли ты уме?! – взъярился дядька. – В моём доме речи такие вести! Прочь отсюда! Вон! Ишь ты, как заговорили. Не вы ли ко мне на поклон пришли? Сами уедем, если придётся, много ли от Новгорода после ливонцев останется?

Мужчины попятились, не забыв прихватить все свои подарки:

– Не за себя радеем, за люд токмо, – бормотал Гордей, испугавшись хозяйского гнева.

– Я без Александра не выйду на битву, а ему помогу. Вот вам моё последнее слово, – я медленно поднялась с кресла, не мигая глядя в глаза Гордею, – повинитесь перед князем, иначе быть беде!

Город замер в предчувствии дурного. Купцы, приехавшие на торги, стремительно покидали Новгород, спеша укрыться в землях, где князья защитят их от страшной угрозы.

На улицах стало малоллюдно, все сидели по домам, раздумывая, бежать ли, покидая родные гнёзда, или хорониться где, надеясь, что обойдёт беда стороной. Даже непосед-мальчишек почти не видать. Будто накинули пелену страха и отчаяния на крыши домов, и раздался однажды звон колокола, призывающего на вече. Засобирался дядька спешно:

– Ну, теперь и потолкуем, – накидывая шубу, улыбнулся он нам, – ничего, девоньки, ещё повоем!

Мы, собравшись в сенях, провожали дядю на вече, гадая, что же будет дальше.

– А ну как не согласятся на поклон к Александру идти? – Пелагея обвела нас испуганным взором. – Что тогда? Ты защитишь нас, Яромила?

– Насколько сил моих хватит, стоять буду, – обняла я сестру, – не бойся, не враги сами себе бояре, сговорятся на вече.

А в голове крутился план спасения. Нет, не всего Новгорода, не стоит переоценивать свои силы. Однако, если укрепить какую-нибудь слободу, а народ туда согнать, можно и продержаться сколько-нибудь. Всё здесь не так, всё стремительно, как в кино на перемотке. Когда ждать нашествия? Сколько времени у нас в запасе?

Кое-как досидела до конца унылой трапезы, кусок в горло никому не лез, разговоры смолкали сами по себе, не успев начаться.

– Ведагор Добранович, совет твой нужен, – подошла я к наставнику, когда он встал из-за стола.

– О чём речь?

Мы вышли на улицу, подальше от чужих ушей, не хотелось подавать людям ложную надежду. Там рассказала о своих мыслях чародею.

– Дело говоришь, Яромила! – воодушевился Ведагор. – Вот что значит кровь княжеская. Бояре пусть по своим дворам хоронятся, у них на это кмети есть, а мы народ сможем собрать в мастеровой слободе, там и место удобное. Что задумала, рассказывай?

– Одна не справлюсь, помощь нужна, – улыбнулась наставнику, – слова твои крепко в душу мне засели о слиянии чар. Если мне глыбы квадратные делать изо льда, осилишь стену из них поднять?

– Нескоро такое сдюжим, недели две, не меньше. Однако попробовать стоит, если наши бояре опять заупрямятся.

– И ещё...

– Яромила, тебе одной задумки мало?! – изумился наставник.

– Мало стены, ещё защитники понадобятся, с простых мужиков, какие воины? Если мне ратников огромных ледяных сотворить, сможем ли мы заставить их отбивать нападение?

– Так раскрошится лёд, – развёл руками Ведагор.

– Смотри, – я быстро собрала несколько кубиков из снега, утрамбовывая их ладонями в плотные блоки. Кубик за кубиком, словно строя крепость в миниатюре, создала небольшого голема высотой с локоть. – Видишь, как крепко держатся? А теперь самое главное: внутрь мы цепь вморозим, как кости в теле человека. Железо станет хребтом, а звенья суставами. Тогда такой боец будет двигаться и не ломаться.

– Откуда только мысли такие? – подивился наставник, задумчиво почесал подбородок и добавил: – А ведь может получиться... Завтра поутру и попробуем, даже если бояре смирят свою гордыню, защитники Новгороду пригодятся!

Глава 14

На следующий день на заднем дворе, возле небольшой гридницы, где жили кмети дяди Евсея, мы с Ведагором устроили наш эксперимент. Набрали в сараях обрывки старых цепей и отошли к забору, туда, где складывали убранный с подворья снег. Мне ведь нужен «строительный» материал. Я «прессовала» его в кубы льда, а перед глазами пробегали формулы из гляциологии, даже сама не знаю почему, может, это помогало сконцентрироваться на задаче. В центр каждого куба заранее вставляли цепь и потом крепили её уже в другом кирпичике. Два куба на ногу, потом другую, тело сделали неподвижным, так его будет легче контролировать, затем – руки и голова. Получился у нас не очень симпатичный, почти прямоугольный голем изо льда.

Мы намеренно решили отложить возведение стены. Бояр на вече всё же удалось вразумить и убедить, что без Александра город падёт. Не гонца послали они к князю, сами поехали виниться пред государем. Люди успокоились, притихла паника, кажется, будто даже в городе стало теплее.

Ведагор обошёл наше творение кругом, почесал бороду:

– Вроде и крепкий, надо теперь нам пораскинуть умишком, как его двигаться заставить?

– Вы поднимите его чуть вверх, чтобы он стоял, но не отрывался от земли, а я руками, ногами шевелить буду.

– Принимайся за дело, княжна, – наставник засучил рукава, приподнял кисти, и голем встал на ноги.

Я «обернула» его потоком своих чар, стараясь проникнуть по отдельности в каждую деталь, не теряя целостности восприятия, понять, как вести его слаженно. Странное чувство, будто часть моего сознания отделилась, «поселившись» в големе. Подняла руку, ледяной воин повторил за мной. Пошла вперёд – он тоже.

– Уразумела, как часть силы передать? – азартно хохотнул рядом Ведагор.

Из гридницы показался старшой над кметями, пожилой служака, Тихон. Наперекор своему имени у него был зычный голос, статная фигура с военной выправкой, которую не одолели даже прожитые годы и густая борода, эдаким воротником ложившаяся на грудь и спускающаяся до пояса.

– Эка невидаль! – воскликнул он, подходя к нам. – Чего это, чародеи?

– Ратник наш новый, – усмехнулась я, – изо льда.

– Ну и дела-а-а. Как же он биться станет? Где меч его?

Переглянулись с Ведагором.

– Вот олухи мы с тобой, княжна, – ударил себя по лбу наставник, – оружия воину не дали.

Тихону и самому любопытно стало, принёс он нам старый зазубренный меч, я вправила его в руку голема.

– Ну-ка, друг ситный, Тихон, кликни своих кметей, посмотрим, сумеют ли одолеть княжну нашу? – улыбнулся Ведагор.

– Ты что, разве можно девице да против ратников? – не понял задумку воин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.